

РАЙЛИ
СЕЙГЕР

ПОСЛЕДНИЕ ДЕВУШКИ

С УБИЙЦЕЙ НЕ СПРАВИТЬСЯ
БЕЗ ИНСТИНКТА УБИЙЦЫ

18+

НОВЫЙ
МИРОВОЙ
ТРИЛЛЕР

ОДИН ИЗ ЛУЧШИХ ТРИЛЛЕРОВ ГОДА.

ЕСЛИ ВАМ ПОНРАВИЛАСЬ «ИСЧЕЗНУВШАЯ», ПОНРАВИТСЯ И ЭТА КНИГА.

СТИВЕН КИНГ

Новый мировой триллер

Райли Сейгер

Последние Девушки

«АСТ»

2017

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

Сейгер Р.

Последние Девушки / Р. Сейгер — «АСТ», 2017 — (Новый мировой триллер)

ISBN 978-5-17-106529-4

Десять лет назад Куинси Карпентер поехала отдыхать в «Сосновый коттедж» с пятью однокурсниками, а вернулась одна. Ее друзья погибли под ножом жестокого маньяка. Журналисты тут же окрестили ее Последней Девушкой и записали третьей к двум выжившим в похожих бойнях: Лайзе и Саманте. Вот только, в отличие от них, Куинси не помнит, что произошло в том коттедже. Ее мозг будто бы спрятал от нее воспоминания обо всех кровавых ужасах. Куинси изо всех сил старается стать обычным человеком, и ей это почти удается. Она живет с внимательным и заботливым бойфрендом, ведет популярный кондитерский блог и благодаря лекарствам почти не вспоминает о давней трагедии. Но вот Лайзу находят дома, в ванне, с перерезанными венами, а Саманта врывается в жизнь Куинси с явным намерением перевернуть ее страшное прошлое и заставить вспомнить все. Какие цели она преследует? Постепенно Куинси понимает, что только вспомнив прошлое, она сможет разобраться с настоящим. Но не окажется ли цена слишком велика?

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-106529-4

© Сейгер Р., 2017

© АСТ, 2017

Содержание

«Сосновый коттедж» 1:00	7
«Сосновый коттедж» 15:37	24
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Райли Сейгер
Последние Девушки
Посвящается Майку

«СОСНОВЫЙ КОТТЕДЖ» 1:00

У леса были когти и зубы.

Все его булыжники, шипы и ветки набросились на нее, когда она с криком ринулась через чащу. Но это ее не остановило. Ни когда в ступни босых ног вонзились острые камни, ни когда по лицу хлестнула тонкая, будто хлыст, ветка и по щеке побежала струйка крови.

Остановиться было нельзя. Остановиться означало умереть. Поэтому она продолжала бежать, даже когда вокруг лодыжки обвилась колючая лоза и принялась рвать ее плоть. Лоза натянулась, дрожа, но Куинси неслась вперед с такой скоростью, что ей удалось высвободиться. Она не знала, было ли ей больно. Страдания в ее теле и без того уже было больше, чем оно могло вместить.

Вперед ее гнал инстинкт. Неосознанное чувство, что надо двигаться дальше, несмотря ни на что. Почему – она уже забыла. Воспоминания о случившемся пять, десять, пятнадцать минут назад из памяти стерлись. Если бы ее жизнь зависела от того, будет ли она помнить события, заставившие ее броситься через заросли, она наверняка упала бы прямо на лесную подстилку и тут же умерла.

Поэтому она бежала. Она кричала. И старалась не думать о смерти.

Вдали, на прячущемся за деревьями горизонте, мелькнул слабый отблеск.

Фары.

Неужели она вышла к дороге? Куинси надеялась, что да. Вместе с воспоминаниями она напрочь утратила и ориентацию в пространстве.

Она закричала громче и метнулась навстречу свету. По лицу стеганула еще одна ветка, толстая, как скалка. От удара Куинси ослепла и замерла на месте. В голове взорвалась боль, перед затуманенным взором замелькали голубые искорки. Когда взгляд прояснился, она увидела стоявший в свете фар силуэт.

Мужчина.

Он.

Нет. Не Он.

Кто-то другой.

Она в безопасности.

Куинси прибавила шагу и вытянула вперед окровавленные руки, как будто это могло приблизить ее к незнакомцу. От этого жеста плечо полыхнуло болью. А вместе с болью вернулось даже не воспоминание, а, скорее, осознание – жестокое и ужасное, каким может быть только правда.

Осталась только она.

Все остальные умерли.

Она единственная осталась в живых.

1

Когда раздастся звонок Джеффа, мои руки сплошь покрыты сахарной глазурью. Несмотря на все усилия, французский кондитерский крем не хуже клея облепил пальцы и межфаланговые промежутки. Чистым остался только мизинец, которым я нажимаю на телефоне кнопку громкой связи:

– Частное детективное бюро «Карпенгер и Ричардс», – я стараюсь говорить с придыханием, словно секретарша из какого-нибудь нуарного фильма. – Чем могу быть вам полезна?

Джефф, подыгрывая мне, отвечает голосом крутого парня, который звучит, как нечто среднее между Робертом Митчемом¹ и Дэной Эндрюсом².

– Пригласите к аппарату мисс Карпентер. Мне нужно безотлагательно с ней поговорить.

– Мисс Карпентер чрезвычайно занята. Вы не могли бы оставить ей сообщение?

– Разумеется, – отвечает Джефф, – скажите ей, что мой вылет из Чи-Тауна³ задерживается.

Я тут же сбрасываю маску.

– Ох, Джефф... Правда?

– Мне очень жаль, дорогая. Улететь из Города Ветров⁴ всегда было делом проблематичным.

– И долго ты там проторчишь?

– От двух часов до «когда-нибудь на следующей неделе», – говорит Джефф. – Надеюсь, достаточно долго для того, чтобы Сезон выпечки начался без меня.

– Ну что за отстой, а.

– Как там оно, кстати?

Я опускаю глаза на руки:

– Грязно.

Сезоном выпечки Джефф называет изматывающий период с начала октября по конец декабря, когда один за другим идут праздники, а с ними десерты. Эту фразу он любит произносить зловеще, поднимая вверх руки и шевеля пальцами, будто паук лапками.

По иронии судьбы мои руки покрыты кондитерским кремом как раз из-за паука. Сделанный из черного шоколада, он балансирует на капкейке: тельце по центру, черные лапки протягиваются вбок и вниз. Когда я закончу, капкейки будут аккуратно расставлены, сфотографированы и выложены на моем сайте под рубрикой «Идеи выпечки на Хэллоуин». Тема этого года заявлена как «Мечь Лакомки».

– Как там аэропорт? – спрашиваю я.

– Толкучка. Но я надеюсь спастись, укрывшись в баре моего терминала.

– Позвони мне, если рейс задержат надолго, – говорю я, – я буду здесь, вся в шоколадной глазури.

– Пеки навстречу ветру, – отвечает Джефф.

Дав отбой, я возвращаюсь к пауку из кондитерского крема и к шоколадно-вишневому капкейку под ним. Если сделать все правильно, то стоит его разочек откусить, как тут же покажется красная начинка. Но это можно будет испробовать позже. Пока же я сосредоточу внимание на его внешнем виде.

Украшать капкейки намного труднее, чем кажется. Особенно если результат потом намереваешься выложить в Интернет на обозрение тысяч людей. Потеки и пятна не допускаются. В мире высокого разрешения любой недостаток тут же бросается в глаза.

«Уделяй внимание деталям».

Это одна из Десяти заповедей моего сайта, втиснувшаяся между двумя другими: «Мерные стаканчики – твои друзья» и «Не бойся потерпеть неудачу».

Когда я покончила с первым капкейком и принялась за второй, вновь зазвонил телефон. На этот раз в моем распоряжении не осталось ни одного чистого мизинца, и я вынуждена пропустить звонок. Телефон продолжает жужжать и медленно ползет по столешнице. Потом умолкает, но уже через несколько мгновений издает контрольный сигнал.

¹ Роберт Митчем (1917–1997) – американский киноактер, сценарист и продюсер. Лауреат премии «Золотой глобус» за вклад в киноискусство (1992).

² Дэна Эндрюс (1909–1992) – американский актер.

³ Чи-Таун – так жители южных штатов США называют Чикаго.

⁴ Город Ветров – еще одно название Чикаго.

Эсэмэска.

Заинтригованная, я откладываю кондитерский мешочек, вытираю руки и беру телефон.

Сообщение от Купа.

«Надо поговорить. С глазу на глаз».

Пальцы замирают над дисплеем. Хотя Купу требуется три часа, чтобы добраться до Манхэттена, раньше он с удовольствием проделывал этот путь. Если это действительно было важно.

Я пишу: «Когда?»

Его ответ приходит через пару секунд: «Прямо сейчас, на нашем месте».

В основании позвоночника зарождается очаг тревоги. Куп уже здесь.

Это может означать только одно – что-то случилось.

Перед тем, как выйти из дома, я произвожу все традиционные приготовления к встрече с Купом. Чищу зубы. Крашу губы. Глотаю успокаивающее. Запиваю голубую таблеточку виноградной газировкой прямо из бутылки.

В лифте вспоминаю, что не переоделась. На мне по-прежнему моя униформа для выпечки: черные джинсы, старая Джеффова рубашка и красные туфли без каблука. Все припорошено мукой и покрыто пятнами от пищевого красителя. Я замечаю на тыльной стороне ладони полоску высохшей глазури – сквозь сине-черное пятно проглядывает кожа. Похоже на синяк. Я слизываю корку.

Выхожу на Восемьдесят вторую улицу, поворачиваю направо на Колумба, по которой уже движется плотный поток пешеходов. При виде такого количества незнакомых людей тело напрягается. Я останавливаюсь и одеревеневшими пальцами лезу в сумочку, где у меня всегда лежит перцовый баллончик. Толпа, конечно же, гарантирует безопасность, но вместе с тем вселяет чувство неуверенности. И только отыскав баллончик я иду дальше, придав лицу сердитое выражение, красноречиво свидетельствующее, что меня лучше не трогать.

Несмотря на солнце, воздух пронизывает прохлада. Обычная картина для начала октября в Нью-Йорке: в это время холод и жара сменяют друг друга в произвольном порядке. Но все-таки осень стремительно наступает. Когда становится видно парк Теодора Рузвельта, я замечаю, что золотистой и зеленой листвы там примерно поровну.

За ее завесой можно различить зады Музея естественной истории, рядом с которым нынешним утром столпились школьники. Их голоса порхают между деревьев, будто птицы. Вдруг кто-то из них издает пронзительный крик, и остальные умолкают. Всего на секунду. Я замираю на тротуаре, встревоженная не столько криком, сколько последовавшей за ним тишиной. Но потом вновь становятся слышны голоса, и я успокаиваюсь. Теперь я направляюсь в кафе, расположенное в двух кварталах к югу от музея.

Наше обычное место.

Куп ждет меня за столиком у окна, выглядит он как обычно. Грубое лицо с резкими чертами, которое в минуты расслабления, такие как сейчас, становится задумчивым. Сам он высокий, но вместе с тем и крепко сбитый. Большие руки, вместо обручального кольца – перстень с рубином, из тех, что дарят выпускникам. Единственная перемена кроется в его коротко подстриженных волосах: с каждой встречей я замечаю в них все больше седых прядей.

Он обратил на себя внимание всех няnek и обкофеиненных хипстеров, заполонивших кафе. Кто еще может так взволновать публику, как полицейский при полном параде? Правда, Куп и без формы выглядит грозно. Крупный мужчина, сплошь состоящий из перекатывающихся под кожей мышц. Его габариты еще больше подчеркивают накрахмаленная голубая рубашка и черные брюки с безукоризненными стрелками. Когда я переступаю порог, он поднимает голову. В его взгляде сквозит усталость. Скорее всего, он приехал, отработав в третью смену.

На столе уже стоят две чашки. Чай «Эрл Грей» с молоком и дополнительным кусочком сахара для меня. И кофе для Купа. Черный. Горький.

– Куинси, – произносит он, кивая головой.

Он всегда кивает. Кивок заменяет Купу рукопожатие. Мы никогда не обнимаемся – с тех самых пор, как я в отчаянии обхватила его в ту ночь, когда мы познакомились. Сколько бы я с ним ни виделась, то мгновение каждый раз крутится в голове, пока я его от себя не отгону.

«Они все мертвы!» – судорожно схватившись за него, я с трудом выдавила тогда из себя эти слова, застрявшие в горле. – «Они все мертвы. А он все еще где-то здесь».

Десять секунд спустя он спас мне жизнь.

– Все это довольно неожиданно, – говорю я, садясь напротив.

Я тщетно пытаюсь унять дрожь в голосе. Не знаю, зачем Куп меня позвал, но если у него плохие новости, я хочу выслушать их спокойно.

– Отлично выглядишь, – говорит Куп, окидывая меня быстрым, оценивающим взглядом, к которому я давно привыкла, – хотя и немного похудела.

Его голос тоже выдает тревогу. Он наверняка сейчас думает о том, как через полгода после событий в «Сосновом коттедже» я настолько потеряла аппетит, что, в конечном итоге, оказалась на больничной койке, где меня принудительно кормили через трубочку. Помню, что, когда проснулась, Куп стоял у моей кровати и не сводил глаз с торчавшего у меня из ноздри узкого пластикового шланга.

«Не разочаровывай меня, Куинси, – сказал он, – в ту ночь ты выжила не для того, чтобы теперь так глупо умереть».

– Ничего страшного, – отвечаю я, – просто до меня наконец дошло, что не обязательно в одиночку съедать все, что я пеку.

– И как успехи? У твоей выпечки?

– Отлично. За последние три месяца у меня появилось пять тысяч новых подписчиков и еще один крупный рекламодатель.

– Здорово, – отвечает Куп, – рад, что у тебя все хорошо. Испеки как-нибудь что-нибудь для меня.

Подобно кивку головы, эта просьба стала для Купа еще одной константой. Так он говорит каждый раз, но это просто формула вежливости.

– Как Джефферсон? – спрашивает он.

– Неплохо. Управление государственной юридической защиты недавно назначило его ведущим адвокатом по крупному, многообещающему делу.

Я умалчиваю, что защищать придется человека, обвиняемого в убийстве полицейского в ходе неудачного антинаркотического рейда. К работе Джеффа Куп и так относится свысока, поэтому подливать еще больше масла в огонь нет никакой надобности.

– Рад за него, – говорит он.

– Сейчас он в отъезде, ему пришлось на два дня улететь в Чикаго, чтобы снять показания членов семьи. Он говорит, это смягчит присяжных.

– Хмм... – невпопад отвечает Куп. – Полагаю, предложения тебе он так и не сделал.

Я качаю головой. Я думала, что Джефф собирался сделать предложение во время нашего отдыха на Внешних отмелях, и рассказала об этом Купу. Но кольца все не было. На самом деле, из-за этого-то я и похудела. Я стала одной из тех девушек, которые ежедневно выходят на пробежку только ради того, чтобы влезть в воображаемое свадебное платье.

– Я все еще жду, – говорю я.

– Все будет.

– А как ты? – спрашиваю я, решая немного его подразнить. – Нашел себе в конце концов девушку?

– Не-а.

Я выгнула бровь.

– Парня?

– Я приехал сюда ради тебя, Куинси, – произносит Куп, даже не думая улыбаться.
– Разумеется. Ты спрашиваешь. Я отвечаю.

Именно так всегда и происходит во время наших встреч, случающихся один, два, самое большее три раза в год. Чаще всего его визиты напоминают сеансы психотерапии, и у меня так и не получается задать Купу встречные вопросы. О его жизни я осведомлена лишь в самых общих чертах. Ему сорок один год, перед тем, как стать полицейским, он служил в военно-морском флоте. Его едва перестали считать новичком на тот момент, когда он нашел меня орущей в лесу. И хотя мне известно, что он продолжает патрулировать тот самый город, где произошли все эти ужасы, я понятия не имею, счастлив ли он, доволен ли он своей жизнью. Одинок ли он. Он никогда не напоминал о себе в праздники. Не присылал на Рождество открыток. Девять лет назад, когда хоронили моего отца, он сидел в заднем ряду и выскользнул из церкви до того, как я успела поблагодарить его за участие. Что-то похожее на теплые чувства он демонстрирует только на мой день рождения, всегда присылая одну и ту же эсэмэску: «Еще один год, которого могло бы не быть. Наслаждайся жизнью».

– Джефф созреет, – говорит Куп, в который раз меняя тему по собственному усмотрению. – Готов спорить, это случится на Рождество. Парням нравится делать в этот день предложение.

Он делает глоток кофе. Я потягиваю чай и утомленно зажмуриваюсь в надежде почувствовать в темноте действие успокоительного. Однако я чувствую, что моя тревога только усилилась.

Я открываю глаза и вижу, как в кафе входит хорошо одетая женщина с пухлым, тоже нарядным малышом. Наверное, няня-иностранка. Как и большинство женщин до тридцати в этом районе. В теплые солнечные дни на здешних тротуарах можно наблюдать плотный строй совершенно одинаковых недавних выпускниц, вооруженных филологическими дипломами и студенческими займами. Эта девушка привлекла мое внимание только потому, что мы с ней похожи. Свежее, ухоженное лицо. Белокурые волосы, стянутые в хвостик. Не слишком тоненькая, не слишком полная. Образчик веселой, вскормленной на молоке жительницы Среднего Запада.

В другой жизни на ее месте вполне могла оказаться я. Если бы не «Сосновый коттедж», кровь и платье, меняющее цвет будто в кошмаре.

Когда я встречаюсь с Купом, в голове каждый раз возникает одна и та же мысль: в ту ночь он решил, что на мне красное платье. И шепотом сообщил об этом диспетчеру, вызывая подмогу. Так указано в полицейском рапорте, который я видела много раз, и в записи разговора с дежурным, который я слышала лишь однажды.

«В лесу кто-то бежит. Белая женщина. Молодая. На ней красное платье. Она кричит».

Да, я действительно бежала. Скорее даже неслась изо всех сил. Неслась, поднимая вокруг себя ворох листьев, бесчувственная к боли, пронзающей все тело. И действительно кричала, хотя сама слышала лишь биение собственного сердца. Куп ошибся только в цвете платья.

За час до того оно было белым.

На нем была и моя кровь. Но по большей части все же чужая.

В основном кровь Жанель – я держала ее до того, как меня начали калечить.

Никогда не забуду, какое у Купа стало лицо, когда он осознал свою ошибку. Слегка расширенные глаза. Grimаса, исказившая рот в судорожной попытке удержать отвисающую челюсть. Сдавленный вздох, на одну треть сочувственный, на две трети ошеломленный.

Это одна из немногих вещей, которые у меня получается вспомнить.

То, что я пережила в «Сосновом коттедже», можно разделить на две отдельные, независимые половины. Первая – это начало, проникнутое замешательством и страхом, когда Жанель, пошатываясь, вышла из зарослей, еще живая, но уже на последнем издыхании. А вторая – конец, когда Куп нашел меня в моем красном, но не красном платье.

Все остальное в промежутке между этими двумя моментами образует провал в памяти. Примерно час абсолютного небытия.

Официально мне поставили диагноз «диссоциативная амнезия», более известный как синдром вытесненных воспоминаний. Если в двух словах, то пережитое оказалось слишком чудовищным для моего слабого сознания. Я просто вырезала кусок из своего мозга. Сама себе сделала лоботомию.

Это не мешало окружающим умолять меня вспомнить, что произошло. Близким, действующим из самых благих побуждений. Другьям, неправильно понимающим ситуацию. Психиатрам, мечтающим опубликовать результаты своих исследований. «Думай, – говорили все они, – целенаправленно думай о том, что тогда случилось». Как будто от этого что-то изменилось бы. Как будто если бы я смогла вспомнить каждую кровавую подробность, это воскресило бы моих друзей.

Но несмотря ни на что, я все же пыталась. Психотерапия. Гипноз. И даже нелепые упражнения на сенсорную память, в ходе которых кудрявая докторша завязывала мне глаза, давала нюхать ароматизированные полоски бумаги и спрашивала, что я при этом чувствую. Ничего не сработало.

Тот час в моем мозгу превратился в абсолютно чистую доску. В нем ровным счетом ничего не осталось. Одна только пыль.

Я прекрасно понимаю их потребность в информации, их стремление выяснить как можно больше деталей. Но в данном случае мне гораздо лучше без них. Я и так знаю, что произошло в «Сосновом коттедже», и вспоминать *как*, мне нет никакой надобности. Подробностям присущ один недостаток – они отвлекают от главного. Слишком много подробностей – и вот уже под ними скрылась ужасная правда. Словно яркое ожерелье, под которым прячут шрам от трахеотомии.

Я не пытаюсь спрятать свои шрамы. Просто делаю вид, что их у меня нет.

Сейчас, сидя в кафе, я продолжаю притворяться. Как будто если я буду делать вид, что Куп вовсе не собирается бросить мне на колени гранату плохих новостей, этого действительно не произойдет.

– Ты тут по делам? – спрашиваю я. – Если ты надолго, мы с Джеффом хотели бы с тобой поужинать. Помнится, нам всем понравилось то итальянское заведение, куда мы ходили в прошлом году.

Куп смотрит на меня через стол. У его глаз самый светлый голубой оттенок, какой мне только доводилось видеть. Светлее даже таблетки, которая сейчас медленно растворяется в недрах моей центральной нервной системы. Но это не умиротворяющий голубой цвет. В этих глазах таится сила, неизменно заставляющая меня отводить взгляд, даже если мне хочется заглянуть в них глубже, будто это поможет мне проникнуть в скрывающиеся за ними мысли. Это яростный голубой цвет – как раз такие глаза хочется видеть на лице защитника.

– Думаю, ты понимаешь, зачем я сюда приехал, – говорит он.

– Честное слово, нет.

– У меня для тебя плохие новости. Журналисты еще не в курсе, но скоро будут. Очень скоро.

Он.

Это первое, что приходит мне в голову. Это связано с Ним. Хотя я видела, как Он умер, мой мозг тут же устремляется в какой-то неизбежный, непостижимый параллельный мир, в котором Он выжил после выпущенных в Него Купом пуль, сбежал, много лет прятался, но теперь вернулся из небытия, чтобы найти меня и довести до конца то, что когда-то не завершил в лесу.

Он жив.

В живот заползает тугой, неповоротливый комок тревоги. Ощущение такое, будто там выросла огромная опухоль. Мне невыносимо хочется в туалет.

– Дело в другом, – говорит Куп, прекрасно понимая, о чем я думаю, – его больше нет, Куинси. И мы оба это знаем.

Хотя слышать его слова мне приятно, легче от них почему-то не становится. Я сжимаю руки в кулаки и упираюсь костяшками пальцев в стол.

– Пожалуйста, просто скажи, что случилось.

– Лайза Милнер, – отвечает Куп.

– Что с ней?

– Она мертва, Куинси.

Новость высасывает из моей груди весь воздух. Кажется, я задыхаюсь, не знаю точно, потому что сейчас для меня существует только ее голос, слабым эхом звучащий у меня в памяти.

«Я хочу помочь тебе, Куинси. Хочу научить тебя быть Последней».

Я позволила ей. По крайней мере, на какое-то время. Решила, что она знает лучше.

Теперь ее нет.

Нас осталось только двое.

2

Для Лайзы Милнер аналогом «Соснового коттеджа» стал студенческий женский клуб в Индиане. Одним далеким февральским вечером в их дверь постучал парень по имени Стивен Лейбман. Незадолго до этого он бросил колледж и теперь жил с отцом. Раскормленный. С трясущимся желтушным, словно куриный жир, лицом.

Однокурсница Лайзы открыла ему дверь и увидела, что он стоит на ступенях, сжимая в руке охотничий нож. Мгновение спустя девушка была мертва. Лейбман втащил труп внутрь, запер все двери, перерезал электрические и телефонные провода. Затем последовала настоящая бойня, продолжавшаяся около часа и унесшая жизни девяти девушек.

Лайза Милнер чуть было не стала десятой.

Во время резни она спряталась: сидела в шкафу в комнате однокурсницы, скрючившись, прижимая к себе чужие вещи и молясь, чтобы безумец ее не нашел.

Но в итоге он все-таки до нее добрался.

Когда Стивен Лейбман распахнул шкаф, Лайза подняла на него глаза. Сначала увидела окровавленный нож, потом такое же окровавленное лицо. Он ранил ее в плечо, но ей удалось дать ему коленом в пах и выбежать из комнаты. Она спустилась на первый этаж и ринулась к входной двери, но в этот момент Лейбман догнал ее и нанес удар ножом.

У нее было четыре раны на груди и животе, плюс длинный порез вдоль руки, которую она подняла, чтобы защититься. Следующий удар ее наверняка бы добил. Но Лайза, крича от боли и преодолевая головокружение от потери крови, ухитрилась схватить Лейбмана за ногу.

Он упал. Нож отлетел в сторону. Лайза схватила его и по самую рукоятку вонзила убийце в живот. Стивен Лейбман истек кровью, лежа рядом с ней на полу.

Подробности. Они текут так свободно, когда ты ни при чем.

Когда это произошло, мне было семь лет. Тогда я впервые обратила внимание на новости по телевизору. Их трудно было не заметить: мама стояла перед экраном, поднеся руку ко рту, и без конца повторяла два слова: *Святой Иисусе. Святой Иисусе.*

Увиденное выбило меня из колеи, расстроило и напугало. Всхлипывающие очевидцы. Вереница покрытых брезентом носилок и желтая лента, крест-накрест перегораживающая дверь. Брызги яркой крови на белом индианском снегу. В тот момент я осознала, что в мире случаются страшные вещи, что в мире существует зло.

Когда я заплакала, отец подхватил меня на руки и отнес на кухню. Мои слезы высохали, оставляя соленые следы, пока отец расставлял на кухонной стойке батарею мисок и наполнял их мукой, сахаром, маслом и яйцами. Потом он протянул мне ложку, чтобы я сама все смешала. Мой первый урок кулинарии.

– Бывает чрезмерная сладость, Куинси, – сказал он мне, – Все лучшие кондитеры это знают. Обязательно нужен какой-то противовес. Что-то мрачное. Или горькое. Или кислое. Какао. Кардамон и корица. Лайм и лимон. Они пробьют себе путь сквозь сахар и укротят его ровно настолько, что, когда ты почувствуешь сладость, ты станешь ценить ее еще больше.

Теперь я ощущаю во рту лишь сухость и горечь. Кладу в чай еще сахара и выпиваю чашку до дна. Но это не помогает. Сахар только входит в противоречие с «Ксанаксом», который наконец заявляет о своих правах. Они вступают в бой внутри моего естества, лишняя раз напрягая нервную систему.

– Когда это произошло? – спрашиваю я Купа, когда первоначальный шок уступает место клочку чувству недоверия. – *Как* это произошло?

– Вчера вечером. Полицейские из Манси обнаружили ее тело около полуночи. Она покончила с собой.

– О Господи.

Эти слова я произношу достаточно громко, чтобы привлечь внимание похожей на меня гувернантки за соседним столом. Она отрывается от своего «Айфона» и склоняет набок голову, как кокер-спаниель.

– Самоубийство? – говорю я, ощущая на языке горечь этого слова. – Я думала, она счастлива. Я хочу сказать, она *выглядела* счастливой.

В голове все еще звучит голос Лайзы.

«Случившегося не изменить. В твоей власти лишь контролировать отношение к этим событиям».

– Полицейские ожидают результатов токсикологической экспертизы, чтобы понять, не пила ли она и не принимала ли наркотики, – добавляет Куп.

– Значит, это мог быть несчастный случай?

– Нет. Лайза вскрыла себе вены.

Мое сердце на мгновение замирает в груди. Я совершенно отчетливо ощущаю перебой в его работе. В образовавшуюся пустоту вливается тоска, заполняя меня так быстро, что у меня начинает кружиться голова.

– Мне нужны подробности, – говорю я.

– Не нужны, – возражает Куп, – от этого ничего не изменится.

– Информация. Это лучше чем ничего.

Куп неподвижно смотрит в чашку с кофе, будто изучая в его мутном отражении свои ясные глаза.

– Я знаю лишь, что без четверти двенадцать Лайза позвонила в «911», вероятно, испугавшись и передумав.

– Что она сказала?

– Ничего. Тут же дала отбой. Диспетчер отследила звонок и послала в ее дом наряд. Дверь не была заперта, так что они просто вошли. Они почти сразу же ее нашли. В ванной. Телефон лежал в воде. Вероятно, выскользнул из рук.

Куп смотрит в окно. Я вижу, что он очень устал. И наверняка беспокоится, что однажды я могу сделать что-то похожее. Но такая мысль никогда мне не приходила в голову, даже когда я лежала на больничной койке и меня кормили через трубочку. Я тянусь через стол, к его руке. Он убирает ее, прежде чем мне удастся ее взять.

– Когда ты об этом узнал? – спрашиваю я.

– Пару часов назад. Мне позвонила знакомая из полиции штата Индиана. Мы с ней общаемся.

Мне не надо спрашивать Купа откуда у него знакомства в индианской полиции. Во взаимной поддержке нуждаются не только те, кто выжил после страшной резни.

– Она посчитала, что тебя лучше предупредить, – добавляет он, – пока это не вылезло наружу.

Журналисты. Ну конечно. Мне нравится представлять их алчными стервятниками, которые держат в клювах лоснящиеся внутренности, покрытые каплями крови.

– Я не собираюсь с ними говорить.

Мои слова опять привлекают внимание гувернантки – она поднимает голову и прищуривает глаза. Я смотрю на нее в упор до тех пор, пока она не кладет на стол «Айфон» и не начинает деланно хлопотать вокруг малыша.

– Ты не обязана это делать, – отвечает Куп, – но все-таки подумай, не стоит ли тебе выразить официальное соболезнование. Все эти ребята из таблоидов начнут травить тебя как стая псов. И им лучше бросить кость до того, как у них появится шанс к тебе подобраться.

– Почему я должна что-то говорить?

– Ты знаешь почему, – отвечает Куп.

– Почему Саманта не может?

– Потому что она до сих пор держится в тени и вряд ли осмелится показаться на публике после всех этих лет.

– Повезло.

– Так что кроме тебя больше никому, – говорит Куп, – вот почему я решил приехать и лично тебе все сообщить. У меня нет возможности заставить тебя делать что-то против твоей воли, но на мой взгляд, подружиться с прессой – неплохая идея. Поскольку Лайза мертва, а Саманта где-то прячется, ты последнее, что у них осталось.

Я лезу в сумочку и беру телефон. Ничего. Ни звонков, ни сообщений. Лишь несколько десятков электронных писем по работе, которые я не успела прочесть утром. Я выключаю аппарат – в виде временной меры. Журналисты до меня в любом случае доберутся, в этом Куп прав. Не устоят перед такой возможностью и попытаются получить комментарий от единственной Последней Девушки, оставшейся в их распоряжении.

В конце концов, они сами нас и породили.

На языке киноманов Последней Девушкой называют единственную женщину, оставшуюся в живых в конце фильма ужасов. Мне, по крайней мере, объясняли так. Я никогда, даже до событий в «Сосновом коттедже», не любила смотреть все эти кинострашилки из-за всей этой искусственной крови, пластмассовых ножей и персонажей, которые вели себя так глупо, что я, хоть и чувствуя себя виноватой, думала, что они заслужили смерть.

Вот только случившееся с нами не было фильмом. Это была реальная жизнь. *Наша* жизнь. Кровь была настоящей. Ножи – стальными и кошмарно острыми. А те, кого убивали, уж точно этого не заслуживали.

Но нам каким-то образом удалось громче закричать, быстрее побежать или дать более достойный отпор. Мы выжили.

Не знаю, кто первым использовал это прозвище в отношении Лайзы Милнер. Скорее всего, какая-нибудь газетенка на Среднем Западе, в тех краях, где она жила. Очередной репортер решил проявить креативный подход при описании убийств в студенческом женском клубе и придумал этот ярлык. Он стал популярен только потому, что случайно оказался достаточно жутким, чтобы его подхватил Интернет. На него набросились все эти недавно созданные новостные сайты, жаждущие внимания читателей. Не желая выпасть из тренда, их примеру последовали и печатные СМИ. Сначала таблоиды, потом газеты посolidнее и, наконец, журналы.

Трансформация завершилась буквально за несколько дней. Лайза Милнер теперь была не просто выжившей жертвой резни. Она превратилась в Последнюю Девушку – сошедшую прямо с экрана героиню фильма ужасов.

Четыре года спустя это случилось с Самантой Бойд, а еще через восемь лет – со мной. И хотя за истекшее время происходили и другие убийства с большим количеством жертв, ни одно из них не привлекло к себе такого внимания, как наши. Мы были теми, кому в силу тех или иных причин посчастливилось выжить там, где все остальные умерли. Прелестные девушки в крови. И поэтому к каждой из нас по очереди относились как к редкой экзотической диковинке. Как к прекрасной птице, которая лишь раз в десять лет простирает свои яркие крылья. Или к цветку, воняющему, как протухшее мясо.

Внимание публики, обрушившееся на меня в первые месяцы после «Соснового коттеджа», колебалось от доброго до странного. Иногда и то, и другое вместе, как в письме от одной бездетной четы, предложившей оплатить мне обучение в колледже. В своем ответе я отклонила их великодушное предложение и потом больше никогда о них не слышала.

Остальные письма заставляли нервничать куда больше. Я потеряла счет посланиям одиноких юных готов и заключенных, выразивших желание ухаживать за мной, жениться на мне и лелеять меня в объятиях своих татуированных рук. А какой-то автомеханик из Невады дошел до того, что предложил приковать меня цепью в своем подвале, чтобы больше никто не мог причинить мне зла. Его искренность пугала, будто он и в самом деле считал, что совершит благородный поступок, посадив меня таким образом под замок.

Потом пришло письмо, в котором утверждалось, что меня надо прикончить, что быть зарезанной – моя судьба. Без подписи и обратного адреса. Я отдала его Купу. Просто так, на всякий случай.

Мной овладевает тревога. Все из-за «Ксанакса» с сахаром, которые молниеносно распространяются по телу, как наинovelший клубный наркотик.

– Я знаю, все это очень тяжело, – говорит Куп, чувствуя перемену в моем настроении.

Я киваю.

– Хочешь, уйдем отсюда?

Я киваю снова.

– Тогда вперед.

Вставая, я замечаю, что нянька по-прежнему делает вид, будто занята ребенком, и изо всех сил старается не смотреть в мою сторону. Возможно, она узнала меня и от этого почувствовала себя неловко. Со мной такое уже бывало.

Направляясь к выходу, в двух шагах за Купом, я незаметно подхватываю со стола ее «Айфон».

Когда я выхожу на улицу, он уже лежит на дне моего кармана.

Куп провожает меня домой, шагая чуть впереди, будто тайный агент. Мы оба выискиваем глазами на тротуаре представителей СМИ. Пока никого.

Когда мы подходим к моему дому, Куп останавливается прямо перед темно-бордовым навесом над входной дверью. Элегантное, просторное здание выстроено еще до войны. В основном мои соседи – седовласые светские дамы и щеголеватые геи средних лет. Я не сомневаюсь, что Куп, глядя на мой дом, каждый раз удивляется, как это кулинарный блогер и государственный защитник могут позволить себе снимать квартиру в Верхнем Вест-Сайде.

По правде говоря, снимать ее мы бы действительно не могли. Ни на зарплату Джеффа, смехотворно маленькую, ни тем более на доходы от моего сайта.

Эта квартира оформлена на меня. Я ее собственница. Деньги на ее приобретение были получены в результате целого ряда судебных разбирательств после событий в «Сосновом коттедже». Инициировал их отчим Жанель, а потом родственники жертв подали в суд на кого только

можно. На психиатрическую больницу, из которой Он сбежал. На Его врачей. На фармацевтические компании, несущие ответственность за антидепрессанты и нейролептики, столкнувшиеся у Него в мозгу. Даже на изготовителя больничной двери с неисправным замком, через которую Он вырвался на волю.

Все удалось уладить, не доводя до суда. Все понимали, что лучше заплатить пару миллионов долларов, чем погубить репутацию, противостоя горстке убитых горем семейств. Но некоторых из них не спасло даже досудебное соглашение. Один из нейролептиков в конечном итоге был изъят из обращения, а психиатрическая больница Блэкторн через год навсегда закрыла свои дефектные двери.

Единственными, кто не смог раскошелиться, были Его родители, разорившиеся на Его лечении. Меня это вполне устраивало. Я не испытывала желания наказывать эту убитую, вечно плачущую чету за Его грехи. К тому же мне с лихвой хватило и причитающейся мне доли от сумм, выплаченных другими ответчиками. Большую часть этих средств один финансист, друг моего отца, помог вложить в фондовый рынок, пока ценные бумаги еще не поднялись в цене. А квартиру я купила по окончании колледжа, когда рынок недвижимости только-только восстанавливался после колоссального падения. Две спальни, две ванны, гостиная, столовая и кухня с уголком для завтрака, превратившаяся в мой импровизированный съемочный павильон. И все это досталось мне за бесценок.

– Может, зайдешь? – спрашиваю я Купа. – Ты же никогда не видел мою квартиру.

– Как-нибудь в другой раз.

Еще одна формула вежливости.

– Вероятно, тебе пора, – говорю я.

– До дома дорога долгая. С тобой все будет в порядке?

– Ага, – отвечаю я, – особенно когда пройдет первоначальный шок.

– Если что-то понадобится, позвони мне. Или напиши.

А вот это он говорит всерьез. С того самого утра, наступившего после ночи в «Сосновом коттедже», Куп готов бросить все, чтобы меня повидать. Тем утром, корчась от физической и душевной боли, я тоскливо простонала: *Мне нужен тот полицейский! Я хочу его видеть!* И Куп приехал через каких-то полчаса.

Теперь, десять лет спустя, он по-прежнему стоит рядом и на прощание кивает мне головой. Когда я отвечаю ему тем же, он прячет свои голубые, по-детски ясные глаза за солнцезащитными очками «Рэй-Бэн», уходит и вскоре растворяется в толпе прохожих.

Поднявшись в квартиру, я иду прямо на кухню и выпиваю еще одну таблетку «Ксанакса». Виноградная газировка, следующая вдогонку за ней, обрушивается приторным водопадом, который, усилив действие сладкого чая, отзывается зубной болью. Но я все равно продолжаю пить маленькими глотками и вытаскиваю из кармана сворованный «Айфон». Беглый осмотр аппарата свидетельствует о том, что его прежнюю владелицу зовут Ким и что ее телефон никак не защищен. В итоге у меня есть все возможности просмотреть историю ее звонков, веб-поиска и СМС-переписку, в том числе и последнее сообщение от некоего Зака с квадратной челюстью.

«Как насчет того, чтобы вечером поразвлечься?»

Чтобы посмеяться, пишу ответ: «Конечно».

Телефон в руке коротко тренькает. Еще одно сообщение от Зака. Он прислал фотографию своего члена.

Как мило.

Я выключаю телефон – на всякий случай. Мы с Ким, может, и похожи, но наши рингтоны разительно отличаются. Потом я переворачиваю телефон и смотрю на серебристую заднюю крышку, усеянную отпечатками пальцев. Я протираю ее до тех пор, пока на поверхности не появляется мое отражение, искаженное, будто в кривом зеркале. Годится. Я прикасаюсь к золотой цепочке, которую никогда не снимаю с шеи. На ней висит ключик от ящичка в кухон-

ном шкафу – единственного, который всегда заперт. Джефф полагает, что в нем хранятся важные для моего сайта документы. Пусть и дальше так думает.

В ящике позвякивает небольшой склад сверкающих металлических предметов. Блестящий патрончик губной помады и массивный золотой браслет. Несколько ложек. Серебряная пудреница, позаимствованная на сестринском посту в больнице, куда я попала после «Соснового коттеджа». В ее зеркало я без конца смотрелась во время долгой поездки домой, желая убедиться, что по-прежнему существую. Теперь, вглядываясь в искаженные черты своего лица, испытываю все то же умиротворение.

Да, я все еще существую.

Телефон ложится рядом с другими предметами. Я задвигаю ящик, запираю его, а ключ вешаю обратно на шею.

Это моя тайна, от которой в груди разливается тепло.

3

После обеда я старательно избегаю смотреть на неоконченные капкейки. Они таращатся на меня с кухонной стойки, ожидая, что с ними сделают то же, что и с теми двумя, что уже полностью завершены, самодовольно красуются рядом. Да, я знаю, их надо доделать, пусть даже в чисто терапевтических целях. В конце концов, Первая заповедь моего сайта так и звучит: «Выпечка – лучшая психотерапия».

Обычно я и сама в это верю. В кулинарии есть смысл. А вот в том, что сделала Лайза Милнер, нет.

Но сейчас у меня настолько мрачное настроение, что даже изготовление десертов мне не поможет. Вместо этого я направляюсь в гостиную, провожу кончиками пальцев по непрочитанному журналу «Нью-Йоркер» и сегодняшнему выпуску «Таймс», пытаюсь одурачить себя и внушить мысль, что иду просто так, даже не представляя куда. Но в конечном итоге все равно останавливаюсь на обычном месте. У книжного шкафа рядом с окном. Потом ставлю стул, чтобы дотянуться до верхней полки и стоящего на ней тома.

Книга Лайзы.

Она написала ее через год после встречи со Стивеном Лейбманом и дала ей теперь звучащее грустно название «Воля к жизни: Мой путь боли и исцеления». Недолгое время она была бестселлером. Кабельный канал «Лайфтайм» снял по ней сериал.

Лайза прислала мне экземпляр сразу после событий в «Сосновом коттедже». Внутри была дарственная надпись: «Великолепной Куинси, с которой нас породнил опыт выживания. Сестра, если тебе нужно поговорить, я всегда рядом». Внизу был приписан номер телефона – аккуратными, похожими на кубики цифрами.

У меня не было намерения по нему звонить. Я убедила себя, что не нуждаюсь ни в какой помощи. Зачем мне за ней обращаться, если я все равно ничего не помню?

Однако я оказалась не готова к тому, что каждая газета, каждый новостной канал возьмется в мельчайших подробностях описывать резню в «Сосновом коттедже». И то, что это был не столько коттедж, сколько хижина, не имело никакого значения. К тому же он официально носил это название – его выжгли на кедровой дощечке и прибили над дверью, как в летнем лагере.

Если не считать похорон, я все время лежала пластом. И выходила из дома только к врачу или на сеанс психотерапии. Поскольку журналисты разбили на нашей лужайке лагерь, мама была вынуждена выпускать меня через заднюю дверь, после чего я через соседский двор шла к машине, дожидавшейся в квартале от дома. Что совершенно не помешало журналу «Пипл» шлепнуть на обложке мою школьную фотографию, снабдив ее подписью «Она выжила!», тянувшейся по моему прыщавому подбородку.

Все жаждали взять у меня эксклюзивное интервью. Репортеры звонили, писали смс и электронные письма. Одна прославленная телеведущая – отвращение не дает мне назвать ее по имени – барабанила в нашу дверь, в то время как я сидела по другую сторону, прижимаясь спиной к сотрясавшемуся под ее ударами дереву. Перед уходом она сунула под дверь записку, в которой предлагала сто тысяч долларов за обстоятельный разговор. Бумажка пахла «Шанель № 5». Я выбросила ее в корзину для мусора.

Несмотря на тоску и шрамы от ножевых ранений, на которых еще не затянулись швы, я понимала, чего они добиваются. Им не терпелось превратить меня в Последнюю Девушку.

Может, мне удалось бы справиться со всем этим лучше, будь у нас в семье хоть немного больше стабильности. Но ее не было.

К тому времени к отцу, желая взять реванш за прошлое, вернулся рак. После химиотерапии его без конца тошнило, он был слишком слаб, чтобы залечить мои душевные раны. Но он все равно пытался. Едва меня однажды не потеряв, он недвусмысленно дал понять, что теперь для него высшим приоритетом является мое благополучие. Он следил, чтобы я как следует ела, спала, чтобы я не окукливалась в своем горе. Он хотел, чтобы у меня все было хорошо, хотя самого его убивала неизлечимая болезнь. Незадолго до его кончины мне в голову пришла мысль, что «Сосновый коттедж» я пережила только потому, что папа каким-то образом заключил соглашение с Богом, выменяв мою жизнь на свою.

Думаю, такое же чувство было и у мамы, но я слишком терзалась от страха и чувства вины, чтобы ее об этом спросить. Да и возможности такой у меня практически не было. К тому времени она твердо вошла в роль отчаянной домохозяйки, стараясь держать лицо любой ценой. Она убедила себя в необходимости сделать на кухне ремонт, будто новый линолеум мог смягчить двойной удар, нанесенный раком и «Сосновым коттеджем». В те минуты, когда ей не надо было водить нас с отцом по врачам, она сравнивала столешницы и подбирала оттенки краски. Не говоря уже о неукоснительном соблюдении всех буржуазных ритуалов вроде занятий фитнесом и собраний книжного клуба. Отказаться хотя бы от одного общественного обязательства для мамы означало признать поражение.

А поскольку моя пахнущая пачулями психотерапевт сказала, что мне необходима постоянная поддержка, я обратилась к Купу. Он, благослови его Господь, сделал все что мог и не отклонил ни одного моего отчаянного звонка глубокой ночью, хотя таковых было немало. И все-таки я нуждалась в человеке, который прошел через похожие испытания. И Лайза для этого, казалось, подходила просто идеально.

Вместо того чтобы бежать от травматичного окружения, она осталась в Индиане, после полугодовой реабилитации вернулась в колледж и закончила его, получив квалификацию детского психолога. На вручении диплома зал встал и долго ей аплодировал. Выстроившиеся сплошной стеной в дальнем конце аудитории репортеры запечатлели этот момент стробоскопическим залпом вспышек.

Так что я прочла книгу. Потом нашла номер и позвонила.

– Я хочу помочь тебе, Куинси, – сказала она мне, – и научить тебя быть Последней Девушкой.

– А если я не хочу быть Последней Девушкой?

– У тебя нет выбора. Все уже решено за тебя. Случившегося не изменить. В твоей власти лишь контролировать отношение к этим событиям.

В понимании Лайзы это означало посмотреть правде в глаза. Она предложила мне дать журналистам несколько интервью, но только на моих условиях. Сказала, что если я решусь рассказать обо всем прилюдно, это поможет справиться с переживаниями.

Я последовала ее совету и действительно дала три интервью – одно «Нью-Йорк таймс», второе «Ньюсуик», а третья Мисс «Шанель № 5», которая в итоге действительно заплатила мне

обещанные сто косарей, хотя я ее об этом и не просила. До приобретения квартиры было еще далеко. И если вы думаете, что меня не мучает совесть, подумайте еще.

Интервью получились просто ужасными. Мне казалось неправильным в открытую говорить о погибших друзьях, которые сами уже ничего сказать не могут, тем более, что я не могла вспомнить, что именно с ними случилось. Я чувствовала себя сторонним наблюдателем, глядя, как окружающие с жадностью поглощают мои слова, будто леденцы.

После каждого интервью я была настолько опустошена, что никакое количество еды не могло заполнить зияющую дыру внутри меня. Так что я перестала даже пытаться, и в итоге вновь попала в больницу – спустя полгода после выписки. К тому времени отец уже проиграл свою схватку с раком и теперь просто ждал, когда тот нанесет решающий удар. Но несмотря на это, каждый день был рядом. Сидя в инвалидном кресле, он слабыми трясущимися руками кормил меня с ложечки мороженым, чтобы приглушить горький вкус антидепрессантов, которые меня заставляли принимать.

– С ложечкой сахара, Куинни, лекарство глотать куда легче, – говорил он, – в той песне все чистая правда.

Когда ко мне вернулся аппетит и меня выписали из больницы, со мной связалась Опра Уинфри. Ни с того ни с сего позвонил один из ее продюсеров и сказал, что мы приглашены на ее шоу. Лайза, я и даже Саманта Бойд. Все три Последних Девушки наконец-то вместе. Лайза, конечно же, согласилась. Как и Саманта, что меня удивило, так как она уже тогда скрывалась от мира. В отличие от Лайзы, она никогда не пыталась познакомиться со мной после «Соснового коттеджа». И была так же неуловима, как мои воспоминания.

Я тоже согласилась прийти, хотя мысль о том, что мне придется сидеть перед толпой сочувственно квохчущих домохозяек, чуть было не столкнула меня обратно в кроличью нору анорексии. Однако мне очень хотелось встретиться лицом к лицу с подругами по несчастью. Особенно с Самантой. К тому времени мне хотелось посмотреть на другую модель поведения, отличную от изматывающей открытости Лайзы.

Но у меня не получилось.

В то утро, когда нам с мамой предстояло лететь в Чикаго, я очнулась и обнаружила себя посреди нашей свежотремонтированной кухни. Все было перевернуто вверх дном: пол усеивали битые тарелки, из открытого холодильника капал апельсиновый сок, а столешницы стали похожи на заброшенный пустырь, словно мусором, засыпанный яичной скорлупой, мукой и маслянистыми пятнами ванильного экстракта. Посреди всей этой разрухи на полу сидела мама, оплакивая дочь, которая хоть и стояла рядом, но была для нее безвозвратно потеряна.

– Но почему, Куинси? – простонала она. – Зачем ты это сделала?

Да, кухню, будто небрежный грабитель, разорила действительно я. Я поняла это в ту же секунду, как увидела весь этот бардак. Сквозь хаос проглядывала определенная логика. Это был беспорядок в моем стиле. При этом я совершенно не помнила, чтобы что-то такое делала. Минуты, в течение которых я крушила все вокруг, зияли таким же белым пятном, как и тот час в «Сосновом коттедже».

– Я не хотела, – сказала я, – клянусь, что даже не знаю, как это получилось.

Мама сделала вид, что поверила мне. Она встала, вытерла со щек слезы, опасливо поправила прическу. Но ее истинные эмоции выдавала мрачная нервозность ее в глазах. И я поняла, что она меня боится.

Пока я убиралась на кухне, мама позвонила помощникам Опри и все отменила. Поскольку смысл шоу был в том, чтобы собрать нас втроем, это решение поставило на всей затее крест. И встречу Последних Девушек по телевизору так и не показали.

В тот же день мама отвезла меня к врачу, который, по сути, пожизненно назначил мне «Ксанакс». Мама настолько жаждала побыстрее напичкать меня каким-нибудь лекарством, что первую таблетку мне пришлось выпить прямо на автостоянке рядом с аптекой, запив един-

ственной жидкостью, которая обнаружилась в машине, – тепловатой виноградной газировкой прямо из бутылки.

– Хватит с нас, – объявила она. – Хватит отключек. Хватит приступов ярости. Хватит быть жертвой. Ты будешь принимать эти таблетки и станешь нормальным человеком, Куинси. Так будет правильно.

Я согласилась. Мне не хотелось, чтобы у меня на вручении дипломов толпилась армия репортеров. Писать книгу, давать новые интервью или рассказывать, что с приближением грозы у меня начинают саднить шрамы, я тоже не собиралась. Я не хотела становиться одной из тех накрепко привязанных к трагедии девушек, не хотела постоянно вызывать ассоциации с худшим в моей жизни моментом.

Хотя с непривычки от «Ксанакса» гудела голова, я позвонила Лайзе и сказала, что больше не буду давать интервью. Мне надоело быть вечной жертвой.

– Я не Последняя Девушка, – сообщила я ей.

Голос Лайзы оставался привычно спокойным, что привело меня в бешенство.

– Тогда кто ты, Куинси?

– Я нормальный человек.

– Для таких как ты, я или Саманта, такого понятия как «нормальный» не существует, – возразила она, – но я понимаю, почему ты хочешь попытаться.

Лайза желала мне добра. Сказала, что в случае нужды всегда готова мне помочь. Мы никогда больше не разговаривали.

И вот теперь я вглядываюсь в лицо, которое смотрит на меня с книжной обложки. Замечательный снимок. Чуть подретушированный, но без вульгарщины. Дружелюбные глаза. Небольшой нос. Подбородок, наверное, чуть тяжеловат, немного высоковат лоб. Не идеальная красавица, но хорошенькая.

На фотографии она не улыбается. Книги подобного рода не дают оснований для улыбок. Губы сжаты как раз настолько, чтобы в лице не было ни особого веселья, ни чрезмерной суровости. Идеальный баланс серьезности и самодовольства. Я представляю себе, как Лайза тренировала такое выражение перед зеркалом. Как же грустно от этой мысли.

Потом я думаю, как она лежала, скрюченная, в ванне с ножом в руке. Эта мысль еще хуже. Нож.

Что-то, а это мне непонятно даже больше, чем акт самоубийства как таковой. Случается всякое. Жизнь – отстой. Порой кто-то не может справиться и решает уйти. И как бы печально это ни было, такое случается сплошь и рядом. Даже с такими, как Лайза.

Но она использовала нож. Не пузырек лекарств с водкой. (Первое место в списке моих предпочтений, если до этого когда-нибудь дойдет). Не ласковые и роковые объятия угарного газа. (Второе место). Лайза предпочла лишить себя жизни тем же самым орудием, которым ее чуть не закололи несколько десятилетий назад. Надо полагать, полоснула себя лезвием по запястьям, стараясь вонзать его как можно глубже, чтобы завершить то, что начал Стивен Лейбман.

Помимо своей воли я начинаю гадать, что было бы, если бы мы и дальше друг с другом общались. Не исключено, что мы встретились бы лично. Может быть, стали бы друзьями.

Может, я бы ее спасла.

Я возвращаюсь на кухню и открываю ноутбук, которым главным образом пользуюсь для работы с блогом.

После быстрого поиска в «Гугле» я прихожу к выводу, что новость о ее смерти еще не разлетелась по Интернету. Но это неизбежно случится, причем очень скоро. А вот как это повлияет на мою собственную жизнь – большой вопрос.

Спустя несколько кликов я оказываюсь на «Фейсбуке», в этом тоскливом болоте лайков, ссылок и грамматических ошибок. Лично я не связываюсь с соцсетями. У меня нет «Твиттера». Нет «Инстаграма». Много лет назад у меня был аккаунт на «Фейсбуке», но я удалила

его, после того как на меня подписались слишком много сочувствующих и слишком много сдвинутых на Последних Девушках совершенно неизвестных мне людей прислали заявки в друзья. Теперь у меня осталась только страница моего блога. Неизбежное зло. Через него я могу без проблем зайти на страничку Лайзы. В конце концов, она была подписана на страницу «Сладости Куинси».

Страничка Лайзы превратилась в виртуальную мемориальную стену, испещренную соболезнованиями, которые она уже никогда не прочтет. Я прокрутила вниз несколько десятков надписей, в основном банальных, но искренних.

«Мы будем скучать, Лайза-Пайза! Чмоки».

«Никогда не забуду твою милую улыбку и удивительную душу. Упокойся с миром, Лайза».

Самое трогательное сообщение оставила шатенка с глазами олененка по имени Джейд.

«Ты вышла победителем из самой сложной в твоей жизни ситуации, и это помогло мне справиться с самой сложной ситуацией в моей. Ты всегда меня вдохновляла, Лайза. И теперь, когда ты присоединилась к ангелам на небесах, приглядывай за теми, кто остался здесь, внизу».

Среди множества фотографий, которые Лайза запостила за последние несколько лет, я обнаруживаю одну с Джейд. Она сделана три месяца назад, на ней они щека к щеке позируют, по всей видимости, в парке развлечений. На заднем плане перекрещиваются деревянные опоры американских горок. В руках у Лайзы огромный плюшевый медведь.

Искренность их улыбок не вызывает сомнений. Такую радость невозможно подделать. Видит Бог, я пыталась. В то же время их окружает едва заметный ореол потери. Я вижу это по глазам. Точно такая же подсознательная печаль всегда просачивается на мои фотографии. На прошлое Рождество мы с Джеффом отправились в Пенсильванию к моей маме и в какой-то момент решили сфотографироваться втроем на фоне дерева, делая вид, что мы настоящая благополучная семья. Потом, разглядывая снимки на компьютере, она, ошибочно приняв напряженную ухмылку на моем лице за гримасу, спросила: «Куинси, неужели так трудно было улыбнуться?»

Полчаса я роюсь в Лайзиних фотографиях, знакомлюсь с разрозненными частичками ее жизни, так непохожей на мою. Хотя она не вышла замуж, не пускала прочно корни и не завела детей, ее жизнь казалась насыщенной и осмысленной. Лайза окружила себя людьми – близкими, друзьями, такими девушками, как Джейд, – которым необходимо было участие. Стоило мне захотеть, и я тоже стала бы одной из них.

Но вместо этого я сделала нечто противоположное. Стала держаться от людей на безопасном расстоянии, а при необходимости и отталкивать их. Обретать и вновь терять близкие отношения – это роскошь, которую я не могу себе позволить.

Вглядываясь в снимки Лайзы, я мысленно представляю себя рядом с ней. Вот мы вместе позируем на краю Большого Каньона. Вот стираем с лиц водяную пыль перед Ниагарским водопадом. Вот вместе с другими женщинами синхронно поднимаем ноги в двухцветных ботинках посреди боулинг-клуба. Подпись под фотографией гласит: «Подруги по боулингу!»

Взгляд задерживается на изображении, которое Лайза выложила три недели назад. Сэлфи, снятое широким углом с немного завышенной точки. На нем Лайза держит в руке бокал вина, стоя в обшитой деревянными панелями комнате, по виду гостиной. Под снимком надпись: «Время пить вино! Ха-ха-ха!»

За ее спиной виднеется девушка, частично обрезанная перекошенным кадром. Она напоминает мне фотографии, якобы изображающие Снежного человека, которые иногда показывают в идиотских телепередачах о паранормальных явлениях. Она не смотрит в камеру, и в кадре видно только размытое пятно черных волос.

Даже не видя лица этой неизвестной женщины, я чувствую, что мы с ней похожи. Мне тоже пришлось отвернуться от Лайзы и в одиночку укрыться на заднем плане.

Я превратилась в смазанное пятно – в черную кляксу, на которой нельзя разглядеть ни одной детали.

«СОСНОВЫЙ КОТТЕДЖ» 15:37

Поначалу, думая об этом домишке, Куинси представляла себе какую-то сказку, главным образом в силу его причудливого названия.

«Сосновый коттедж».

От его звуков в голове тут же возникли образы принцесс, гномов и лесовиков, жаждущих сделать всю работу по дому. Но когда внедорожник Крейга покотился по гравийной подъездной дорожке и домик наконец предстал их взору, Куинси поняла, что воображение сыграло с ней злую шутку. Действительность оказалась далеко не такой романтической.

Снаружи «Сосновый коттедж» представлял собой прочное, приземистое и очень практичное строение. Он выглядел не намного более сложным, чем домик из детских кубиков. Окруженный соснами, возвышавшимися над шиферной крышей, домик казался меньше, чем был на самом деле. Деревья, переплетаясь ветвями, окружили дом плотной стеной, за которой виднелись еще ряды стволов, молчаливо тянущихся во всех направлениях.

Темный лес. Это и была сказка, которую искала Куинси, только придумал ее не Дисней, а братья Гримм. Когда девушка вышла из машины и всмотрелась в густую чащу, где-то глубоко в душе кольнуло мрачное предчувствие.

– Так вот как выглядит место, куда ворон костей не заносил, – заявила она, – стремновато.

– Вот трусиха, – сказала Жанель, выходя из внедорожника вслед за Куинси и вытаскивая даже не один, а целых два чемодана.

– Вот барахольщица, – парировала Куинси.

Жанель показала ей язык, замерла и оставалась в этой позе до тех пор, пока Куинси не сообразила, что ее таким образом просят взять фотоаппарат и запечатлеть этот миг для потомства. Она покорно вытащила из сумки новенький «Никон» и несколько раз щелкнула затвором. А потом, когда Жанель перестала корчить рожицы и попыталась поднять оба чемодана своими худенькими ручками, сделала еще пару кадров.

– Куин-сии, – сказала подруга певучим голосом, который был ей так хорошо знаком, – не сможешь мне все это отнести? Ну пожалуйста!

Куинси повесила камеру на шею.

– Ну уж нет. Сама брала это барахло, сама его теперь и таскай. Ты же и половиной всего этого не воспользуешься.

– Но так я ко всему готова. Разве это не девиз настоящих бойскаутов?

– Будь готов! – сказал Крейг, таща мимо них переносной холодильник на своих крепких плечах. – Надеюсь, ты не забыла вместе с багажом захватить ключ от этого домика.

Воспользовавшись предложением побросать чемоданы, Жанель стала шарить по карманам джинсов и некоторое время спустя нашла ключ. Потом подскочила к двери и хлопнула по кедровой дощечке с названием.

– Может, сфоткаемся все вместе? – предложила она.

Куинси установила фотоаппарат на крышу внедорожника Крейга и запустила таймер автоспуска. Потом побежала и встала вместе с остальными у входа в домишко. В ожидании контрольного щелчка затвора все шестеро улыбались.

Команда Ист-Холла, как окрестила их еще на первом курсе Жанель. Они остались закадычными друзьями и теперь, проучившись два месяца на втором.

Когда снимок был сделан, Жанель торжественно отперла и распахнула скрипучую дверь.

– Ну, что скажете? – спросила она, не дав остальным ни секунды, чтобы оценить обстановку. – Уютно, правда?

Куинси согласно кивнула, хотя в ее представления об уюте не вписывались ни медвежьи шкуры на стенах, ни истоптанный ковер на полу. Она бы назвала стиль интерьеров «русти-

кальным», правда, не была уверена, предполагает ли он наличие ржавых кругов на раковине и бурый цвет воды, лившейся из крана в единственной ванной.

Зато здесь было довольно просторно. Четыре спальни. На задах терраса, доски которой почти даже не скрипели, когда по ним ступали. Большая гостиная с камином из камня – по размерам сравнимая с комнатой, которую заняли Куинси и Жанель. Рядом аккуратная поленница.

Этот домик – подумать только, на все выходные! – Жанель подарили на день рождения мать и отчим. Им очень хотелось быть классными родителями, которые относятся к детям как к друзьям. Которые понимают, что их дочь, студентка колледжа, все равно будет пить алкоголь и курить черт знает что, поэтому предпочитают сами снять для нее домик в горах Поконо, где она сможет все это делать относительно безопасно. Сорок восемь часов без кампуса, старост на этажах, студенческих столовых и пропусков, которыми приходилось проводить в пазах специальных приемников у каждой двери и лифта.

Но еще до начала праздника Жанель приказала всем сложить мобильные телефоны в небольшой деревянный ящичек.

– Никаких звонков и эсэмэсок и точно никаких фоток и видео, – заявила она, запихивая ящичек в бардачок внедорожника.

– А как насчет моей камеры? – спросила Куинси.

– Можешь пользоваться. Но фотографировать будешь только меня, и так, чтобы получалась я хорошо.

– Ну разумеется, – ответила Куинси.

– Отнесись к этому серьезно, – предупредила Жанель, – если что-нибудь просочится на «Фейсбук», я тебя удалю из друзей. И в социальных сетях и в реальной жизни.

Потом по ее сигналу все бросились врассыпную по комнатам, причем каждый старался занять самую лучшую. Эйми и Родни заграбастали себе спальню с резиновым, наполненным водой матрацем, который дико всхлипнул, когда они на него бросились. Бетц, у которой не было парня, смиренно заняла комнату с двухъярусной кроватью и сразу же завалилась на нижний ярус с огромным талмудом «Гарри Поттер и дары смерти». Куинси затащила Жанель в комнату с двумя односпальными кроватями, стоявшими у стен точно так же, как в их комнате в общежитии.

– Прямо родной дом, – сказала Куинси, – ну, или что-то в этом роде.

– Действительно мило, – ответила Жанель, но в ее словах чувствовалась какая-то пустота, – хотя если честно, я даже не знаю.

– Можно занять другую комнату. Это же твой день рождения, право выбора за тобой.

– Ты права. И я выбираю, – Жанель схватила Куинси за плечи, стащила с бугристой кровати, – спать одной.

Она повела подругу в комнату в конце коридора. Будучи самой большой в доме, та могла похвастаться эркером, из окна которого открывался великолепный вид на лес. На стенах яркими цветными лоскутами красовалось несколько пестрых домотканых покрывал. На краешке широченной кровати сидел Крейг. Взгляд его упирался в пол, в точку между носками высоких кроссовок. Его руки были сцеплены в замок, большие пальцы вращались вокруг друг друга. Когда Куинси переступила порог, он поднял голову. В его застенчивой улыбке она углядела проблеск надежды.

– Я уверена: здесь тебе будет *гораздо* удобнее, – сказала Жанель таким тоном, будто кому-то незаметно подмигнула, – повеселитесь тут как следует.

Она подтолкнула Куинси бедром, побуждая ее пройти дальше в комнату. После закрыла дверь и, тихо хихикая, отправилась к себе.

– Это была ее идея, – заметил Крейг.

– Надо думать.

– Вряд ли мы должны...

Он осекся, предоставляя Куинси возможность самой заполнить пропуска. Остаться наедине в этой комнате? Переспать, как решила за них Жанель?

– Все в порядке, – сказала она.

– Куинни, ну правда. Если ты не готова...

Куинси села рядом с ним и положила руку на его дрожащую коленку. Крейг Андерсон, восходящая звезда баскетбола. Зеленоглазый брюнет, долговязый и оттого еще более сексуальный. Из всех девушек в университете он выбрал именно ее.

– Все в порядке, – повторила она со всей искренностью девятнадцатилетней девушки, которая прощается со своей девственностью, – я рада.

4

Джефф обнаруживает меня на диване с книгой Лайзы на коленях и зареванными после целого дня слез глазами. Когда он ставит на пол кейс и заключает меня в объятия, я кладу ему голову на грудь и вновь принимаюсь рыдать. После двух лет ухаживаний и еще двух совместной жизни он, даже не спрашивая, уже знает – что-то случилось. Поэтому просто дает мне выплакаться. И только когда на воротнике его рубашки не остается сухого места, я говорю:

– Лайза Милнер покончила с собой.

Он крепче прижимает меня к себе.

– *Та самая* Лайза Милнер?

– Да, та самая.

Больше ему ничего не требуется. Все остальное он понимает и сам.

– Ох, Куинни, бедная ты моя. Поверь, мне очень жаль. Но когда? Что произошло?

Мы садимся на диван, и я сообщаю Джеффу подробности. Он слушает с обостренным интересом – побочный эффект его работы, где ему приходится сначала поглощать всю доступную информацию, а потом ее просеивать.

– Как ты себя чувствуешь? – спрашивает он, когда я заканчиваю свой рассказ.

– Хорошо, – отвечаю я. – Но это сильный удар. И я скорблю. Надо полагать, это глупо.

– Нет, – произносит Джефф, – у тебя есть все причины расстраиваться.

– Ты думаешь? Но ведь мы с Лайзой даже никогда не виделись.

– Неважно. Зато много говорили. Она тебе помогла. Вы были родственные души.

– Мы были жертвы, – возражаю я, – и это единственное, что нас объединяло.

– Куинни, не надо упрощать то, что произошло. Не со мной.

Это говорит государственный защитник Джефферсон Ричардс. Он начинает выражаться, как адвокат, всякий раз, когда не согласен со мной. Но такое случается нечасто. Обычно же он просто Джефф, бойфренд, который никогда не против повалиться в обнимку. Который готовит куда лучше меня и чей зад выглядит просто сногшибательно, когда он надевает костюм и отправляется в суд.

– Мне не дано понять, что случилось с тобой в ту ночь, – говорит он, – как и любому другому. Это под силу только Лайзе и второй девушке.

– Саманте.

Джефф с отсутствующим видом повторяет это имя, будто прекрасно знал его и без меня.

– Да, Саманте. Я не сомневаюсь – она чувствует то же, что и ты.

– Но это бессмысленно, – возражаю я, – мне непонятно, зачем Лайзе кончать с собой после всего, что она пережила. Получается, все было напрасно. Я думала, она сильная.

В моей голове опять раздается ее голос:

«В том, что мы выжили, есть свое величие, – как-то сказала она, – пройдя через муки, но оставшись в живых, мы обрели могущество вдохновлять других страждущих».

И вот теперь все это оказалось просто пургой.

– Прости, что я так расклеилась, – говорю я Джеффу. – Самоубийство Лайзы. Моя реакция на него. Во всем этом есть что-то неправильное.

– Конечно, есть. Все случившееся с тобой *изначально* было неправильно. Но вот что мне в тебе нравится, это что ты не увязла в той трагедии, а пошла дальше.

Джефф говорил мне это и раньше. И не раз. После многократного повторения я и сама поверила в эти слова.

– Да, я знаю, – отвечаю я, – так оно и есть.

– В сущности, у тебя нет другого разумного выхода. То было в прошлом. А сейчас настоящее. И мне очень хочется думать, что в этом настоящем ты счастлива.

Джефф улыбается мне. У него улыбка кинозвезды. Широкая, как «Синемаскоп» и яркая, как «Техниколор». Именно она привлекла меня к нему, когда мы только-только познакомились. Произошло это на одном рабочем мероприятии, оказавшемся настолько скучным, что мне было просто необходимо немного выпить и пофлиртовать.

«Так, дайте угадаю, – сказала ему я, – вы рекламируете зубную пасту».

«Виновен, ваша честь».

«И какой бренд? Может я и сама стану ею пользоваться».

«Аквафреш». Но я строю далеко идущие планы и намереваюсь работать с “Крест”».

Я засмеялась, хотя не могу сказать, что мне было так уж смешно. В его стремлении понравиться было что-то подкупающее. Он напоминал мне золотистого ретривера – дружелюбного, надежного и верного. Хотя я еще даже не знала, как его зовут, я сжала его руку. И по-настоящему так никогда ее и не отпускала.

В промежутке между «Сосновым коттеджем» и Джеффом я вела очень тихий образ жизни, граничивший с небытием. Когда врачи сочли, что я поправилась достаточно, чтобы вернуться к учебе, я не пошла в старый колледж, понимая, что там меня будут преследовать воспоминания о Жанель и остальных. Вместо этого я перевелась в университет поближе к дому и три года жила одна в комнате общежития, предназначенной для двоих.

Печальная слава, конечно же, бежала впереди меня. Окружающие прекрасно знали, кто я и через что мне пришлось пройти. Но я держалась скромно, не высывалась и ежедневно принимала «Ксанакс», запивая его виноградной газировкой. Я вела себя дружелюбно, но друзей у меня не было. Была отзывчива, но при этом держалась отстраненно. Я не видела смысла с кем-либо сблизиться.

Раз в неделю я ходила на групповую психотерапию, где разбирались вся та куча проблем, с которой сталкиваются такие как я. Постоянные участники стали чем-то вроде друзей. Не особенно близких, но все же заслуживающих доверия настолько, чтобы им можно было позвонить, когда страшно идти в кино одной.

Уже тогда мне было трудно считать себя одной из этих хрупких девушек, ставших жертвами изнасилования или жестокого обращения, либо попавшими в аварию, обезобразившую их внешность. Их душевные травмы очень отличались от моей. Ни одна из них даже понятия не имела, что чувствует человек, в мгновение ока лишаящийся всех близких друзей. Никто из них не мог себе представить, как страшно не помнить худшую ночь в твоей жизни. Мне казалось, что мое беспамятство внушает им зависть. Что им всем слишком хочется все забыть. Будто забыть легче, чем помнить.

В том колледже я обратила на себя внимание целой вереницы сменяющих друг друга художавых, чрезмерно чувствительных парней, желавших проникнуть в тайны застенчивой тихой девушки, державшей всех на расстоянии. Я подпускала их к себе, но только до определенной степени. Мы вместе делали домашние задания, чувствуя себя при этом довольно неловко. Болтали в кафешках – я развлекалась, подсчитывая их попытки избежать упоминаний о «Сосновом коттедже». Иногда, когда мне было особенно одиноко, позволяла себе на прощание дразнящий поцелуй.

Втайне я предпочитала качков, которых можно было встретить исключительно на шумных студенческих попойках. Всем известный тип: крупные руки, выпирающие мышцы груди и небольшой пивной животик. Парни, которым плевать на твои шрамы. Которые не способны быть деликатными. Которые рады просто трахаться, как заведенные, и явно не расстраиваются, если ты потом сбегаешь, не оставив свой номер телефона.

После таких свиданий я чувствовала обиду и раздражение, но странным образом также и прилив сил. Когда добиваешься желаемого, это придает энергии – даже если это стыд.

Но Джефф другой. Нормальный до невозможности. Нормальный как рубашка-поло от Ральфа Лорана. Впервые о «Сосновом коттедже» я осмелилась заговорить, когда мы с ним встречались уже месяц. Тогда он все еще думал, что я просто Куинси Карпендер, рядовой маркетолог, собирающийся запустить кондитерский блог. И понятия не имел, что я – Куинси Карпендер, оставшаяся в живых жертва массовой резни.

Надо отдать ему должное, он воспринял это лучше, чем я ожидала. Произнес все нужные, правильные слова, а под конец сказал: «Я твердо убежден, что человек способен не тащить на себе груз прошлого. Он может поправиться, восстановиться и пойти дальше. Ты смогла».

И тогда мне стало понятно, что это надолго.

– Ну как там Чикаго? – спрашиваю я.

Джефф неопределенно пожимает плечами, из чего мне приходится сделать вывод, что не очень.

– Я не добыл информацию, на которую так надеялся, – говорит он, – и если честно, то не горю желанием на эту тему говорить.

– А я не хотела бы говорить о Лайзе.

Джефф встает – ему в голову пришла мысль.

– Тогда давай куда-нибудь ходим. Нам нужно нарядиться, пойти в какое-нибудь модное место и утопить наши горести в вине и обильной еде. Ты в деле?

Я качаю головой и по-кошачьи вытягиваюсь на диване.

– Нет, сегодня это как-то не в кассу. Но знаешь, чего бы мне правда хотелось?

– Вина из коробки, – говорит Джефф

– И?

– Тайской лапши на вынос.

Я выдавливаю из себя улыбку.

– Как же хорошо ты меня знаешь!

Потом мы с Джеффом занимаемся любовью. Инициатива принадлежит мне – я выхватываю из его рук папку с бумагами и сажусь на него верхом. Джефф протестует. Слегка. Изображает сопротивление. Вот он уже во мне, чрезмерно внимательный и осторожный. Он много разговаривает. Во время секса приходится отвечать на кучу его вопросов. «Так хорошо? Не слишком сильно? А так?»

Обычно я ценю его заботу, его эксплицитное желание удовлетворить мои желания. Но сегодня все по-другому. Смерть Лайзы надолго испортила мне настроение. Вместо ритмичных приливов наслаждения мое тело заполняет досада. Мне нужна обезличенная долбежка с одним из тех толстокожих верзил, которые думали, что соблазняли меня, хотя на самом деле все обстояло наоборот. Это как внутренний раздражающий зуд, и вдумчивый секс с Джеффом совершенно неспособен принести облегчение. Но я притворяюсь. Изображаю стоны и крики, как порнозвезда. Когда Джефф требует от меня очередного доклада, я закрываю губами его рот, чтобы он замолчал.

Потом мы в обнимку смотрим очередной классический голливудский фильм. Это наш посткоитальный ритуал. В последнее время это еще и мой любимый момент в сексе. После-

словие. Прижиматься к его твердому волосатому телу под убаюкивающую скороговорку сороковых.

Однако сегодня сон не идет. Отчасти тому виной фильм – «Леди из Шанхая». Мы досмотрели его до конца. Рита Хейворт и Орсон Уэллс в увешанном зеркалами зале и их отражение, разлетающееся на мелкие кусочки под градом пуль. А отчасти виноват Джефф, который беспокойно ворочается рядом и никак не может уgomониться под своим одеялом.

– Ты уверена, что не хочешь поговорить о том, что случилось с Лайзой Милнер? – наконец спрашивает он.

Я закрываю глаза, страстно желая, чтобы сон схватил меня за горло и утащил на дно.

– Да там и говорить не о чем, – говорю я, – может, поговорим о твоем занятии?

– Это не «занятие», – ошетинивается Джефф, – это моя работа.

– Прости, – я умолкаю, все еще не глядя на него и пытаюсь понять, насколько он на меня зол. – Хочешь, поговорим о твоей работе?

– Нет, – отвечает он, но тут же меняет решение и объявляет: – Ладно, давай, только недолго.

Я поворачиваюсь, подпираю голову левой рукой и говорю:

– Надо полагать, дела у защиты идут не очень.

– Честно говоря, да. И это все, что я могу тебе сообщить в рамках закона.

Джеффу очень мало позволено рассказывать о своих делах. Своими профессиональными тайнами юристы не могут делиться даже с супругами. В том числе, как в моем случае, потенциальными. Это еще одна причина, по которой мы с Джеффом так хорошо подходим друг другу. Он не может говорить о своей работе. Я не хочу говорить о моем прошлом. Поэтому мы перепрыгиваем через обе ловушки, в которые так часто попадают пары во время душевных бесед. Однако сегодня, впервые за много месяцев, я чувствую, что мы вот-вот можем угодить в одну из них и нам придется приложить множество усилий, чтобы этого избежать.

– Давай спать, – говорю я, – тебе ведь завтра рано утром в суд?

– Да, – отвечает Джефф, глядя не на меня, а в потолок, – тебе не приходило в голову, что именно поэтому я не могу уснуть?

– Нет, – отвечаю я и опять ложусь на спину, – прости.

– Похоже, ты даже не догадываешься, насколько это важное дело.

– Я смотрела новости, Джефф. И составила довольно полное представление.

Теперь уже очередь Джеффа повернуться, подпереть рукой голову и посмотреть на меня.

– Если все пойдет хорошо, передо мной откроются широкие перспективы. Перед нами обоими. Ты ведь не думаешь, что я до конца жизни намереваюсь оставаться государственным защитником?

– Не знаю. А что, нет?

– Конечно нет. Это дело, если я его выиграю, станет для меня отличным трамплином, который, надеюсь, откроет путь в одну из крупных компаний, где можно будет зарабатывать настоящие деньги и не жить в квартире, оплачиваемой фондом жертв, опекающим мою девушку.

Я слишком уязвлена, чтобы на это отвечать, хотя вижу, что Джефф тут же жалеет о вырвавшихся у него словах. У него на мгновение гаснут глаза и мучительно кривится рот.

– Прости, Куинни, я совсем не хотел тебя обидеть.

– Знаю.

Я соскальзываю с постели, все еще нагая и от этого чувствующая себя уязвимой. Хватаю первую попавшуюся одежду – потертый махровый халат Джеффа – и влезая в него.

– Все в порядке.

– Нет, не все в порядке, – возражает Джефф, – я козлина.

– Тебе надо поспать, – говорю я, – завтра важный день.

Легким шагом я иду в гостиную, внезапно бесповоротно утратив сон. На журнальном столике, по-прежнему выключенный, лежит телефон. Я включаю его, и в темноте вспыхивает бело-голубой экран. У меня двадцать три пропущенных звонка, восемнадцать эсмэсок и три дюжины электронных писем. Почти все от журналистов.

Весть о смерти Лайзы просочилась наружу. Журналисты официально объявили охоту.

Я просмотрела электронную почту, куда не заглядывала с прошлого вечера. Под кучей поступивших от СМИ запросов погребены несколько более ранних и куда более приятных посланий от поклонников моего сайта и производителей кухонной техники, жаждущих предоставить мне свою продукцию для тест-драйва.

Один электронный адрес резко выделяется на фоне сплошной массы цифр и имен, будто всплывшая на поверхность воды серебристая рыбка.

Lmilner75

Палец стремительно соскальзывает с экрана. Инстинктивный жест. Я смотрю на адрес так долго, что он впечатывается в мою сетчатку. Когда я зажмуриваюсь, его контуры остаются перед глазами.

Я знаю только одного человека, у которого мог бы быть такой адрес, и он умер больше суток назад. Эта мысль порождает в горле тугой, судорожный ком. Я с трудом его сглатываю и открываю письмо.

«Куинси, нам нужно поговорить. Это очень важно. Пожалуйста, пожалуйста ответь мне».

Внизу имя Лайзы и телефон – тот же самый, что в книге.

Я читаю письмо раз за разом, ком в горле сменяет нечто, что можно описать единственно как дрожь. Я будто проглотила колибри и теперь ее крылышки бьются о стенки моего пищевода.

Смотрю, когда было отправлено письмо. Одиннадцать вечера. С учетом тех нескольких минут, которые понадобились полиции, чтобы отследить звонок на номер 911 и добраться до ее дома, получается, что Лайза послала его мне меньше чем за час до самоубийства.

Вероятно я стала последним человеком, с которым она пыталась связаться.

5

Наступает серое хмурое утро. Проснувшись, я обнаруживаю, что Джефф уже уехал на встречу со своим клиентом, обвиняемым в убийстве копа.

На кухне меня ждет сюрприз: ваза, но не с цветами, а с принадлежностями для выпечки. Деревянные ложки, лопаточки и сверхпрочный венчик с ручкой толщиной с мое запястье. Вазу опоясывает красная ленточка с прикрепленной к ней открыткой.

«Я идиот. Прости. Ты всегда будешь моим любимым лакомством. Люблю тебя. Джефф».

Рядом с вазой со стола на меня глазят неоконченные капкейки. Оставив их без внимания, я глотаю утреннюю таблетку «Ксанакса» и запиваю ее виноградной газировкой. Потом усаживаюсь на веранде и закидываюсь кофе, пытаюсь проснуться.

Во сне меня преследовали кошмары, хотя мне казалось, что этот этап уже позади. В первый год после «Соснового коттеджа» они не давали мне покоя каждую ночь. Типичный материал для сеансов психотерапии: я бегу через лес; из чащи, шатаюсь, выходит Жанель; появляется Он. Но потом мне удавалось спать без них целыми неделями, а потом и месяцами.

Этой ночью мне снились журналисты – они царапали когтями по окнам, оставляя на стекле кровавые следы. Тощие и бледные, они со стонами зывали ко мне, будто вампиры, жажда, чтобы я впустила их в дом. Вместо клыков у них во рту торчали карандаши, остро отточенные, будто покрытые льдом горные вершины. На их кончиках поблескивали куски плоти.

В одном из кошмаров ко мне явилась Лайза, совершенно такая же, как на обложке своей книги. Тщательно отрепетированная линия ее губ ни разу не дрогнула. Даже когда она выхватила у очередной журналистки карандаш и воткнула его себе в вену на запястье.

Разумеется, по пробуждении я первым делом подумала о ее письме. Воспоминание о нем на всю ночь затаилось в голове, будто капкан с заведенной пружиной, ожидая, когда первый проблеск сознания приведет его в движение. Оно оставалось в моем мозгу и когда я пила сначала одну, а потом вторую чашку кофе.

Больше всего мне не дает покоя неотвязная мысль, что я действительно стала последним человеком, с которым Лайза хотела поговорить, если, конечно, не считать ее сброшенного звонка в 911. Но если это так, то почему? Почему из всех она выбрала именно меня, чтобы поговорить о том карнизе, с которого она мысленно готовилась спрыгнуть? Становлюсь ли я отчасти виновной в ее смерти, раз не проверила вчера почту?

Мой первый порыв был броситься звонить Купу и обо всем рассказать. Даже не сомневаюсь, что он бросит все дела и второй день подряд приедет в Манхэттен только чтобы успокоить меня и сказать, что я не несу за нее ответственность. Вот только я не уверена, что хочу так часто с ним встречаться. Дважды в течение суток мы виделись с ним только раз – ночью в окрестностях «Соснового коттеджа» и на следующее утро, и я не горю желанием повторять эту историю.

Вместо этого я отправляю ему эсэмэску, стараясь придать ей непринужденный характер. «Как будет возможность, позвони. Но это совсем не срочно и не особенно важно».

Однако чутье подсказывает мне: нет, важно. Во всяком случае, потенциально. В противном случае почему я подумала о письме, едва проснувшись? И почему сразу после этого захотела позвонить Джеффу, просто чтобы услышать его голос, хотя прекрасно знала, что он сейчас на заседании суда, а его телефон выключен и погребен в глубинах кейса?

Я стараюсь гнать от себя подобные мысли, хотя это оказывается невозможно. Если верить телефону, у меня опять дюжина пропущенных звонков. Голосовая почта забита сообщениями. Из них я прослушала только одно, от мамы. Она позвонила рано, когда я еще наверняка спала. Очередной способ избежать настоящего разговора.

– Куинси, это мама, – так начинается сообщение, как будто она не верит, что я узнаю ее монотонный, гнусавый голос. – Мне только что звонил какой-то журналист; просил прокомментировать случившееся с Лайзой Милнер, той девушкой, с которой ты дружила. Я посоветовала ему обратиться к тебе. Думаю, ты должна быть в курсе.

Перезванивать ей нет никакого смысла. Это последнее, чего она бы хотела. Так было всегда, с тех пор как я оправилась после «Соснового коттеджа» и вернулась в колледж. Овдовев, она попросила меня остаться с ней и ездить на учебу из дома. Но я не согласилась, и она сказала, что я бросаю ее одну.

Хотя в конечном итоге брошенной оказалась я. К тому времени, когда мне наконец выдали диплом, мама повторно вышла замуж за стоматолога по имени Фред, который явился в дом не один, а с тремя взрослыми детьми от первого брака. С тремя счастливыми, улыбочивыми, скучными детьми. И без всяких там Последних Девушек. Они и стали ее семьей. Я же превратилась в отголосок прошлого, который едва терпели. В пятно на новой и безупречной маминой жизни.

Я еще раз прослушиваю ее сообщение, пытаюсь услышать в голосе хотя бы намек на интерес или озабоченность. Но так ничего и не обнаружив, удаляю его и беру в руки утренний номер «Таймс».

К моему удивлению, заметка о смерти Лайзы напечатана внизу первой полосы. Я поглощаю ее одним неприятным глотком.

МАНСИ, штат Индиана – вчера полиция подтвердила, что Лайза Милнер, блестящий детский психолог и единственная оставшаяся в живых жертва массовой резни в студенческом женском клубе, в свое время потрясшей университеты и колледжи по всей стране, была найдена в своем доме мертвой. Ей было сорок два года.

По большей части в публикации перечислялись ужасы, свидетельницей которых Лайза стала в ту далекую ночь. Будто все остальное в ее жизни не имело никакого значения. По прочтении материала я получаю представление о том, как будет выглядеть мой собственный некролог. От этого меня начинает мутить.

Но на одном предложении я все же задерживаюсь. Ближе к концу, его можно считать чуть ли не послесловием.

Полиция продолжает расследование.

А чего там расследовать? Лайза вскрыла себе вены, все довольно очевидно. Потом я вспоминаю слова Купа о токсикологической экспертизе. Нужно понять, не была ли она под чем-то.

Я отбрасываю газету, тянусь к ноутбуку и захожу в Интернет. Не трачу время на новостные сайты, а сразу же принимаюсь за тематические блоги – пугающее их количество посвящено исключительно Последним Девушкам. Люди, которые их ведут, – к слову сказать, все мужчины; женщины в состоянии найти себе занятие получше – до сих пор оставляют на моем сайте сообщения, пытаюсь втереться в доверие и уговорить меня дать интервью. Я никогда на них не отвечаю. Самым близким, если можно так выразиться, наше общение стало в тот момент, когда мне пришло то письмо с угрозами. Куп обратился к ним и спросил, не сделал ли это кто-то из них. Все ответили, что нет.

Обычно я обхожу подобные ресурсы стороной, опасаясь увидеть там о себе какой-нибудь ужас. Но сегодняшний день требует исключений, поэтому мои глаза просматривают их один за другим. Почти все они упоминают о смерти Лайзы. Как и в статье «Таймс», никаких свежих сведений в их публикациях не содержится. Большинство из них обращают внимание на жестокую иронию: она выжила и благодаря этому прославилась на весь мир, но сама лишила себя жизни. У одного даже хватает наглости предположить, что ее примеру могут последовать и другие Последние Девушки.

Я с отвращением закрываю браузер и захоплюваю крышку ноутбука. Потом встаю и пытаюсь стряхнуть с себя дурман злого адреналина, волной прокатившегося по телу. «Ксанакс», кофеин и бесплодные поиски в Интернете привели меня в дерганое, взвинченное состояние. Когда со мной такое случается, – что бывает часто, – единственный выход – выйти на пробежку и не останавливаться, пока все не пройдет.

В лифте до меня доходит, что внизу могут караулить журналисты. Если они знают номер моего телефона и адрес электронной почты, то без труда выяснят и где я живу. Поэтому я, вместо того, чтобы традиционно прогуляться до Центрального парка и только там побежать, решаю рвануть сразу, как только выйду из дома. Я стартую уже в лифте и выбегаю из него легкой трусцой.

Но оказавшись на улице, понимаю, что в этом нет необходимости. Вместо толпы репортеров я сталкиваюсь лишь с одним. Молодым, энергичным и очень симпатичным очкариком с модной прической. Он похож скорее на Кларка Кента, чем на Джимми Олсена. Когда я выбегаю из дома, он бросается ко мне. В руке у него блокнот с трепещущими на ветру страницами.

– Мисс Карпентер!

Он представляется – его зовут Джона Томпсон. Имя знакомое. Он один из тех, кто звонил мне, писал электронные письма и даже эсэмэски. Атаковал со всех сторон. Потом он называет издание, на которое работает. Из первого ряда ежедневных таблоидов. Судя по возрасту, он

либо изумительно делает свою работу, либо совершенно беспринципен. Я подозреваю, что и то и другое вместе.

– Без комментариев, – говорю я, разгоняясь до максимальной скорости.

Он пытается бежать рядом. Подошвы его «оксфордов» стучат по асфальту.

– У меня всего лишь пара вопросов по Лайзе Милнер.

– Без комментариев, – повторяю я, – если вы все еще будете здесь, когда я вернусь, я вызову полицию.

Я продолжаю бежать, и Джона Томпсон понемногу отстает. Я чувствую, как он молча наблюдает за моим отступлением, буравя взглядом мой затылок, и прибавляю шаг. Кварталы, отделяющие меня от Центрального парка, остаются позади. Перед тем как в него войти, я бросаю взгляд через плечо, желая убедиться, что он не исхитрился каким-то образом за мной проследить.

Хотя вряд ли.

И уж точно не в таких ботинках.

В парке я сразу поворачиваю на север и направляюсь к водохранилищу, излюбленному месту моих пробежек. По сравнению с другими его уголками местность там несколько ровнее, да и обзор лучше. Нет петляющих тропинок, где за каждым поворотом тебя поджидает неизвестно кто. Ни густых зарослей, бросающих густую тень. Только длинные гравийные дорожки, где можно стиснуть зубы, выпрямить спину и *побежать*.

Но в это прохладное утро сосредоточиться на пробежке очень трудно. Мысли блуждают далеко-далеко. Я думаю о хорошеньком Джоне Томпсоне и его досадном упорстве. Думаю о статье, посвященной смерти Лайзы и недвусмысленном нежелании ее автора признать, что та давняя трагедия настолько ее подкосила, что в конце концов она погрузила нож в свои вены. Но главным образом я размышляю о Лайзе и о том, что происходило у нее в голове в тот момент, когда она отправляла мне письмо. Ее охватила тоска? Отчаяние? Ее дрожащие руки уже тогда сжимали нож?

Вдруг все это в одночасье наваливается на меня и поглощает без остатка, а адреналин из вен испаряется с той же скоростью, с какой незадолго до этого их заполонил. Меня без конца обгоняют другие бегуны – об их приближении каждый раз предупреждает хруст гравия под подошвами. Я сдаюсь, перехожу на шаг и неспешно отправляюсь домой, стараясь держаться ближе к краю беговой дорожки.

У подъезда с облегчением вижу, что Джоны Томпсона уже нет. Но вместо него появилась какая-то журналистка. Топчется на противоположной стороне улицы. Приглядевшись, я прихожу к выводу, что это не совсем типичная журналистка. Выглядит она слишком неформально, чтобы быть представительницей крупного СМИ. С виду напоминает немолодых панк-феминисток, которые наводняли улицы Бруклина до того, как их вытеснили хипстеры. Ей явно плевать, что она одета как девушка вдвое ее младше. На ней кожаная куртка поверх обтягивающего черного платья, тяжелые берцовые ботинки и колготки в сеточку. Расчесанные на прямой пробор волосы цвета воронова крыла падают на обведенные черным карандашом глаза. Губы покрашены кроваво-красной помадой. «Блогер», – решаю я. Причем с аудиторией, радикально отличающейся от моей.

В то же время, она кажется мне смутно знакомой. Где-то я ее уже видела. Наверное. Ощущение, что я не могу вспомнить человека, которого по идее должна знать, настолько неприятное, что внутри у меня все переворачивается.

Но вот она меня явно узнает. Ее покрашенные глаза пробивают ко мне путь через темную завесу волос. Я смотрю, как она смотрит на меня. Она даже не моргает. Просто стоит там, ссутулившись, не принимая никаких попыток слиться с окружающей обстановкой. Алые губы

сжимают сигарету, над которой поднимается струйка дыма. Когда я собираюсь переступить порог, она меня окликает:

– Куинси!

Звучит не как вопрос, а как утверждение.

– Привет, Куинси Карпенгер!

Я останавливаюсь, поворачиваюсь к ней и хмуро отвечаю:

– Без комментариев.

Она сердито смотрит на меня – черты ее лица словно затмевает грозное облако.

– Нужны мне твои комментарии.

– Что же вам тогда нужно? – спрашиваю я, глядя на нее в упор и стараясь заставить ее отвести взгляд.

– Всего лишь поговорить.

– О Лайзе Милнер?

– Ага, – отвечает она, – и о многом другом.

– Стало быть, вы репортер. Но я комментариев не даю.

– О Господи, – бормочет она и швыряет окурок на тротуар. Потом наклоняется к огромному рюкзаку, лежащему у ее ног. Он до такой степени потрепанный, тяжелый и набитый – правда, непонятно чем, – что когда она его поднимает, он чуть не трещит по швам. Через мгновение она переходит дорогу, приближается ко мне и опускает свою ношу на асфальт, чуть ли не мне на правую ногу.

– Не обязательно быть такой сукой, – говорит женщина.

– Чего-чего?

– Послушай, я всего лишь хочу поговорить.

Вблизи ее хриловатый голос звучит обольстительно. В дыхании доминируют запахи виски и сигарет.

– После случившегося с Лайзой, думаю, это неплохая идея.

Вдруг до меня доходит, кто передо мной. Она выглядит совсем не так, как я ожидала. Ничего общего со снимком из выпускного альбома, растиражированным тем далеким летом. Ни открытого лба, ни румяных щек, ни двойного подбородка больше нет и в помине. С тех пор она похудела, а ангельское сияние юности померкло. Время превратило ее в натянутую, потрепанную версию ее бывшего «я».

– Саманта Бойд, – говорю я.

Она кивает:

– Мне больше нравится Сэм.

6

Саманта Бойд.

Вторая Последняя Девушка.

Кажется, ее история была самой страшной.

Это случилось, когда до окончания школы ей оставалось две недели. Она была самой обычной девчонкой, пытавшейся наскрести достаточно денег, чтобы заплатить за учебу в местном колледже. Ей удалось устроиться горничной в мотеле «Найтлайт Инн», который располагался на оживленной автомагистрали на въезде в Тампу. Как новичок, она была вынуждена работать в ночную смену, разнося утомленным дальнобойщикам полотенца и меняя простыни, провонявшие потом и спермой, в номерах, где постояльцы проводили лишь полночи.

Через два часа после того, как она в четвертый раз заступила на смену, в мотель заявился мужчина с холщовым мешком на голове и начался ад.

Он работал разездным мастером на все руки, и его до крайности возбуждали те главы из Библии, о которых мало кому приятно говорить. Вавилонские блудницы. Наказание грешников. Око за око, зуб за зуб. Звали его Келвин Уитмер. Но после того лета он вошел в историю как Мешочник.

Прозвище ему подходило: он много что хранил в своих мешках. Ими был забит весь багажник его грузовичка. Мешки пустых металлических банок. Мешки с кожей животных. Мешки с песком, солью и галькой. И еще один, который он прихватил с собой в «Найтлайт Инн», – с полотнами пил, зубилами и гвоздями для забивки в каменную кладку. В целом полиция обнаружила двадцать один инструмент, большинство из которых покрывала толстая корка запекшейся крови.

Из них Саманту настигли два. Во-первых, острое сверло, проложившее путь к ее спине. Дважды. А во-вторых, слесарная ножовка, которая вгрызлась ей в верхнюю часть бедра и задела артерию. Со сверлом она столкнулась перед тем, как Мешочник привязал ее колючей проволокой к дереву за мотелем. А слесарная ножовка появилась, когда ей каким-то чудом удалось освободиться.

В ту ночь погибло шесть человек – четверо постояльцев мотеля, ночной портье по имени Трой и Келвин Уитмер. Последний умер от руки Сэм, которая, едва освободившись, схватила то же сверло, которое он до этого вонзал ей в спину, прыгнула на Мешочника и ударила его в грудь. Потом еще, еще и еще. Полицейские ее так и нашли – с колючей проволокой на теле, верхом на заколотом труп.

Все это я узнала из статьи в журнале «Тайм», который, по мнению родителей, не читала никогда. Но тот номер я заглотила, прячась под одеялом и сжимая во вспотевшей руке фонарик. Потом меня неделю преследовали кошмары.

История Сэм мало-помалу проделывала тот же путь, что и история Лизы, а впоследствии моя. Вечерние новости. Первые полосы газет. Обложки журналов. Ах, с какой же радостью на нее набросились журналисты. Вполне возможно, те самые, что позже оккупировали лужайку перед домом моих родителей. Сэм дала несколько интервью газетам и журналам, плюс эксклюзивное той телевизионной суке, чьи записочки пахли «Шанель № 5». Скорее всего, примерно за ту же сумму, что и я.

У нее было только одно условие: ни фото- ни видеокamеры ее снимать не будут. Все видели только ту единственную фотографию из выпускного альбома – неизменную иллюстрацию ее страшного испытания. Вот почему ее согласие принять вместе со мной и Лайзой участие в шоу Опры – и открыто выступить перед всем миром на камеру – наделало столько шума. И еще больше, когда я отказалась. Из-за меня все лишились возможности увидеть современную Саманту Бойд.

А через год она исчезла.

Это не стало неожиданностью и случилось не сразу. Сэм испарялась постепенно, будто тающий на солнце утренний туман. Журналисты, готовящие публикации о десятилетней годовщине событий в «Найтлайт Инн», вдруг не смогли ее найти. Мать, в конечном итоге, признала, что больше не поддерживает с дочерью контакт. Ее были не в состоянии отыскать даже власти, считающие своим долгом приглядывать за жертвами насильственных преступлений.

Она пропала. Как говорит Куп, исчезла с радаров.

Ни одна живая душа не знает, что именно тогда случилось, что отнюдь не мешает теориям возникать и расти как грибы после дождя. В одной статье я прочитала, что она сменила имя и уехала в Южную Америку. Автор другой предположил, что Саманта ведет уединенный образ жизни где-то на западе страны.

Всякие любительские сайты, разумеется, выдвигали более мрачные гипотезы, множа теории заговора. Им мерещилось самоубийство, похищение или инициированные спецслужбами операции прикрытия.

И вот теперь она стоит прямо передо мной. Причем выглядит настолько неожиданно, что я теряю дар речи.

– Что вы здесь делаете?

Это все, что мне удается из себя выдавить. Сэм закатывает глаза.

– Здороваешься ты отстойно.

– Простите, – отвечаю я, – здравствуйте.

– Так-то лучше.

– Спасибо. Но это все равно никоим образом не объясняет, зачем вы сюда приехали.

– Но это же очевидно – повидаться с тобой.

Ее голос вызывает в уме злачный бар – прокуренный и проспиритованный. В нем таится мрачная нотка чего-то запретного.

– Просто я подумала, что нам наконец надо встретиться.

Несколько секунд мы смотрим друг на друга. Каждая из нас оценивает ущерб, нанесенный собеседнице теми роковыми событиями. Я понимаю, что Сэм предварительно навела обо мне справки: ее взгляд сначала скользит по моему животу, потом упирается в плечо. Я, тем временем, опускаю глаза на ее ногу, пытаюсь припомнить, не хромала ли она, когда переходила дорогу.

В голове всплывает воспоминание о Лайзе. «Мы редкая порода, – как-то сказала мне она, – и поэтому должны держаться вместе».

Теперь, когда ее больше нет, никто больше не в состоянии понять, через что нам пришлось пройти. Только я и Сэм. Нас осталось только двое. И хотя я по-прежнему не понимаю, почему ей понадобилось выходить из тени, просто чтобы меня повидать, я неохотно киваю:

– Ну да, – говорю я глухим от удивления голосом, – может, тогда, поднимемся ко мне?

Мы сидим в гостиной, но не прикасаемся к стоящему перед нами кофе. Вернувшись домой, я сняла спортивный костюм, надев вместо него синие джинсы, красные туфли без каблуков и бирюзовую блузку. Яркое цветное пятно в противовес черному наряду Сэм.

Я присела на краешек кресла, обтянутого лиловым бархатом. Жесткое и неудобное, оно скорее для красоты, чем для пользы. Сэм устроилась на старинном диване и явно чувствует себя так же неловко. Сжала колени, вытянула руки по швам и пытается вести светскую беседу, хотя это очевидно не ее конек. Слова срываются с ее уст короткими, резкими разрядами. Каждый похож на взметающийся в небо яркий фейерверк.

– Милая квартирка.

– Спасибо.

– И по виду просторная.

– Да, не тесная, но, правда, у нас всего две спальни.

Я тут же жалею об этих словах. «Всего две». Как будто я какая-то обездоленная. Судя по рюкзаку, который притащила с собой Сэм, у нее вряд ли есть хоть какая-то комната.

– Здорово.

Сэм ерзает на диване. Похоже, она с трудом противится желанию сбросить ботинки и растянуться на нем. Ей так же неудобно, как и мне.

– Я не к тому, что квартира маленькая, – я начинаю частить в отчаянной попытке исправить впечатление. – Я понимаю, что мне очень повезло. И свободная комната всегда очень кстати, когда к нам приезжают родственники Джеффа. Джефф – мой парень. Его родители живут в Делавэре, а брат, невестка и два племянника в Мэриленде. Им очень нравится ездить в гости. И это здорово, когда с тобой периодически живут дети.

Я люблю семью Джеффа, такую же идеальную, как и он сам – хоть сейчас помешай в рекламный проспект. Все они знают о «Сосновом коттедже». Джефф рассказал им сразу после того, как наши отношения вышли на серьезный уровень. И эти закоренелые протестанты, пред-

ставители среднего класса, даже глазом не моргнули. Его мать даже прислала мне корзину фруктов и написанную от руки записку, выразив в ней надежду, что фрукты меня порадуют.

– А что с твоей семьей? – спрашивает Сэм.

– В каком смысле?

– Они вас часто навещают?

Я вспоминаю тот единственный раз, когда мама была у нас в гостях. Она напросилась сама под предлогом, что у них с Фредом что-то не заладилось и ей нужно было недельку передохнуть. Джефф решил, что это хороший знак. Я поначалу тоже. Подумала, что новая жизнь, которую я сотворила себе сама, произведет на маму впечатление. Но вместо этого она всю неделю критиковала абсолютно все – начиная с моей одежды и кончая количеством вина, которое я пью за обедом. К тому времени, когда она собиралась обратно, она практически все время молчала.

– Нет, не часто, – отвечаю я Сэм, – а ваши?

– То же самое.

Я как-то видела миссис Бойд, когда она давала интервью в программе «20/20», вскоре после того как все узнали об исчезновении Сэм. Она была какая-то зачуханная, прыщавая, из-под ее крашенных белесых волос пробивались темные корни. Во время разговора в студии она неприятно поразила почти полным отсутствием каких-либо чувств по отношению к дочери. Выглядела потрепанной и уставшей. И хотя у Сэм такой же потасканный вид, я понимаю, почему она решила сбежать от такой женщины. Миссис Бойд напоминала дом, побитый множеством штормов.

Моя мама – ее полная противоположность. Шейла Карпентер никогда не будет демонстрировать последствия ущерба. Когда после «Соснового коттеджа» я попала в больницу, она каждое утро приходила ко мне с идеальным макияжем и укладкой. Конечно же, ее единственный ребенок чудом ускользнул от маньяка, который перерезал всех ее друзей, но это еще не повод являться на люди расхристанной. Если мама Сэм – старая убитая квартира, то моя – прекрасная усадьба, гниющая изнутри.

– Был слух, что вы куда-то пропали, – говорю я.

– Вроде того, – отвечает Сэм.

– Где же вы были все эти годы?

– По-разному... то тут, то там... ну типа просто держалась ото всех подальше.

Заметив, что мои руки сложены на груди, а ладони спрятаны подмышками, я вытаскиваю их и с видом примерной ученицы кладу на колени. Но уже через несколько секунд они, помимо моей воли, возвращаются в исходное положение. Все мое тело жаждет дозы «Ксанакса».

Сэм ничего не замечает. Ее внимание поглощено совсем другим – она старательно заводит пряди волос за уши, чтобы еще раз оглядеть квартиру беглым критическим взглядом. Я обставила ее в стиле шебби-шик. Ничто ни с чем не сочетается: синие стены, лампы с блошиного рынка, белый пушистый ковер, который я купила скорее для смеху, но потом полюбила. Я отдаю себе отчет: так выглядят квартиры тех, кто пытается скрыть, сколько у них на самом деле денег. Не знаю, произвела ли она впечатление на Сэм или только вызвала раздражение.

– Ты работаешь? – спрашивает она.

– Да, я...

Я запинаюсь, что случается со мной каждый раз, когда мне приходится говорить о своей несолидной, мишурной работе. Особенно с такими собеседниками как Сэм, несущими на себе печать непреходящей нищеты. Ее нужда видна во всем – в спустившихся петлях на колготках, в замотанных скотчем ботинках, в тяжелом взгляде. От нее радиоволнами исходит отчаяние – мощное и бросающее в дрожь.

– Можешь не говорить, – говорит она, – ты ведь меня даже не знаешь.

– Я... блогер?

Звучит как вопрос. Будто я понятия не имею, кем на самом деле являюсь.

– У меня есть сайт. Называется «Сладости Куинси».

Губы Сэм приоткрываются в вежливой улыбке.

– Милое название. Там типа котят и прочая такая хрень?

– Выпечка. Торты, печенье, кексы. Я выкладываю фотки и советы по украшению. Еще рецепты, очень много рецептов. Мои блюда показывают даже на Кулинарном канале.

О Господи. Зачем я хвастаюсь? Даже я хочу сама себе врезать. Но Сэм в ответ лишь отрешенно кивает головой.

– Круто, – говорит она.

– Это довольно увлекательно, – произношу я, сумев наконец понизить тон голоса.

– А почему выпечка? Почему не проблема голода во всем мире, не политика, не...

– Не котят и прочая хрень?

На этот раз она улыбается широко и искренне.

– Ну да, они самые.

– Я всегда обожала делать сладости. Это одна из немногих вещей, которые у меня получаются. Это меня расслабляет. Доставляет настоящее удовольствие. После... – я опять запинаясь, хотя на этот раз совсем по другой причине. – После того, что со мной случилось...

– Ты хочешь сказать, после убийств в «Сосновом коттедже»?

Поначалу я удивляюсь, что ей знакомо это название. Но потом понимаю, что это вполне естественно. Мне же известно, что такое «Найтлайт Инн».

– Да, – говорю я, – после случившегося я жила с родителями и очень часто пекла что-нибудь для друзей и соседей. В качестве благодарности. Они так меня поддерживали. Каждый вечер новый пирог или кекс... и так несколько недель подряд.

– Ох уж эта еда.

Сэм подносит пальцы ко рту и принимается грызть заусенцы. Рукав ее кожаной куртки соскальзывает вниз, обнажая на запястье темное пятно. Татуировка, спрятанная подальше от посторонних глаз.

– Ты, видимо, жила в хорошем районе.

– О да.

Сэм сжимает зубами заусенец, дергает и выплевывает его.

– А вот я нет.

Мы умолкаем. У меня в голове проносятся вопросы личного плана, на которые Сэм, не исключено, не пожелает отвечать. Сколько времени ты была привязана колючей проволокой к дереву? Каким образом тебе удалось освободиться? Что ты чувствовала, когда вонзала сверло в сердце Келвину Уитмеру?

Но вместо этого я говорю:

– Может, нам надо поговорить о Лайзе?

– Можно подумать, у нас есть выбор.

– Но мы не обязаны этого делать.

– Она покончила с собой, – произносит Сэм, – конечно надо.

– Как по-вашему, почему она так поступила?

– Наверное, больше не могла все это выносить.

Я понимаю что Сэм имеет в виду. «Все это» – это чувство вины, кошмары и мучительная тоска. А еще неотвязное, гнетущее ощущение, что я не должна была выжить. Что я просто жалкое, извивающееся на земле насекомое, которого судьба позабыла раздавить.

– Значит, ты из-за Лайзы перестала прятаться?

Сэм поднимает на меня глаза.

– А ты как думаешь?

– Думаю, да. Тебя оно потрясло так же сильно, как и меня.

Сэм молчит.

– Я права?

– Может быть, – говорит она.

– И ты решила наконец-то со мной повидаться. Потому что тебе было любопытно, какая я.

– Ой, да я и так о тебе все знаю, – отвечает Сэм.

Она откидывается на спинку дивана, наконец позволяя себе устроиться поудобнее. Потом небрежно закидывает ногу на ногу, кладя левую ступню на правую коленку. Руки освобождаются и ложатся по обеим сторонам от нее на спинку дивана, простираясь, будто крылья. Я тоже раскрываюсь – подаюсь вперед на своем кресле и опускаю руки.

– Полагаю, тебя ждет сюрприз.

Сэм выгибает бровь. Ее брови прорисованы черным карандашом, и от этого жеста под полоской сажи проглядывает несколько тонких волосков.

– Мисс Куинси Карпентер ни с того ни с сего бросает вызов.

– Никакой это не вызов. Я просто констатирую факт. У меня много тайн.

– Они есть у всех нас, – отвечает Сэм. – Но ты ведь не просто звезда-хозяйюшка, какой прикидываешься в своем блоге?

– Почему ты решила, что я там кем-то прикидываюсь?

– Потому что ты – Последняя Девушка. А с нами все иначе.

– Нет, я не Последняя Девушка, – отвечаю я, – и никогда не была ею по-настоящему. Я – это просто я. Нет, я не буду врать, утверждая, что не вспоминаю о случившемся. Вспоминаю. Но не часто. Для меня это осталось в прошлом.

Не похоже, чтобы Сэм мне поверила. Теперь уже обе ее нарисованные брови вздернуты.

– То есть ты хочешь сказать, что излечилась с помощью целебных кулинарных упражнений?

– Они помогают, – отвечаю я.

– Тогда докажи.

– Доказать?

– Ну да, – говорит Сэм, – испеки что-нибудь.

– Прямо сейчас?

– Именно.

Сэм встает, потягивается и поднимает меня со стула.

– Покажи мне, какая ты на самом деле.

7

Выпечка – это наука, такая же строгая, как химия или физика. В ней есть свои правила, которым надо неукоснительно следовать. Стоит переложить чего-то одного и недоложить другого, как тебя неминуемо ждет крах. Я нахожу в этом утешение. В окружающем мире, где мужчины тихо крадутся с остро заточенными ножами, царит неуправляемый хаос. А в кондитерском деле нет ничего, кроме стройного порядка.

Вот почему существует сайт «Сладости Куинси». Закончив колледж, получив диплом маркетолога и переселившись в Нью-Йорк, я по-прежнему воспринимала себя жертвой. Как и все остальные. Казалось, что выпечка была единственным шансом что-то изменить. Мне хотелось залить свою текучую, аморфную жизнь в человекообразную формочку и выставить максимальную температуру, чтобы в итоге на свет появилось нечто мягкое, упругое и свежее.

Пока что все получалось.

Пройдя на кухню, я расставляю на столешнице два ряда мисок, отличающихся по размеру в зависимости от их содержимого. В самых больших основные компоненты – холмики муки

и сахара, громоздящиеся как снежные сугробы. В средних ингредиенты для склейки: вода, яйца, масло. Самые маленькие несут в себе больше всего силы – там лежат вкусовые добавки: тыквенное пюре, цедра апельсина, корица, клюква.

Сэм неуверенно смотрит на продуктовую шеренгу:

– Что будешь печь?

– Мы будем печь тыквенно-апельсиновый кекс.

Я хочу, чтобы Сэм на опыте познала законы кондитерского дела, ощутила чувство безопасности, которое оно приносит. Хочу, чтобы она поняла, как благодаря выпечке мне удалось стать чем-то, кроме той девушки, с воплями убегающей через лес из «Соснового коттеджа».

Если она поверит, значит, это, наверное, и правда так.

Сэм не двигается с места, смотрит сначала на меня, потом по сторонам. На мой взгляд, кухня, выдержанная в спокойных сине-зеленых тонах, выглядит уютно. На подоконнике стоит ваза с ромашками, на стенах висят кричаще-яркие прихватки. Техника самая современная, но с винтажным дизайном. Сэм оглядывает кухню с едва скрываемым ужасом. У нее вид одичавшей девочки, которую вдруг поместили в лоно цивилизации.

– Ты умеешь печь? – спрашиваю я.

– Нет, – отвечает Сэм, – разве что в микроволновке.

И смеется – резким, хрипловатым смехом. Он заполняет кухню, и он мне нравится. Когда я на кухне одна, меня окружает гробовое молчание.

– Поверь мне, это просто, – говорю я.

Я ставлю Сэм перед одним рядом мисок, а сама подхожу к другому. Потом постепенно, шаг за шагом, показываю, как соединить масло и сахар; как добавить к ним муку, воду и яйца; как слой за слоем вводить вкусовые добавки. Тесто Сэм месит точно так же, как говорит, – резкими, отрывистыми движениями. Над ее миской взмывает столб муки, во все стороны летят хлопья тыквенного пюре.

– Э-э-э... Я все правильно делаю?

– Почти, – отвечаю я, – только надо чуточку нежнее.

– Все мои парни говорили то же самое, – шутит Сэм, но все же прислушивается к моему совету и начинает смешивать компоненты не с такой разрушительной силой.

Результат не заставляет себя долго ждать.

– О, получается!

– Гонку выигрывает медлительный и упорный. Это десятая Заповедь моего блага.

– Тебе нужно написать книгу «Выпечка для идиотов».

– Я и сама об этом подумываю. Только без идиотов.

– А как насчет книги о «Сосновом коттедже»?

Услышав два эти два слова, произнесенные вместе, я коченею. Взятые по отдельности, они не имеют надо мной никакой власти. Сосновый. Коттедж. Совершенно безобидные звуки. Но в сочетании они обретают остроту ножа, которым Он ударил меня в живот и плечо. Стоит сейчас моргнуть, как перед глазами вновь встанет выбегающая из леса Жанель, по виду еще живая, но на деле уже мертвая. Поэтому я держу глаза открытыми и таращусь на тесто, которое загустевает в миске передо мной.

– Эта книга получилась бы до ужаса короткой, – произношу я.

– Ну да.

В голосе Сэм присутствует какая-то фальшь, она будто нарочно делает вид, что до нее только сейчас дошло, что о тех событиях я ничего не помню.

– И правда.

Она тоже таращится, только не на свою миску, а на меня. Я чувствую, как в мою щеку упирается ее взгляд, такой же теплый, как полуденное солнце, пробившееся в кухонное окно. Меня охватывает неприятное чувство, что она каким-то образом меня испытывает. Что я испорчу

все дело, если отвечу на ее взгляд. Мне не остается ничего другого, кроме как и дальше смотреть на тугой, тускло поблескивающий комок теста на дне миски.

– Ты читала книгу Лайзы? – спрашиваю я.

– Не-а, – отвечает Сэм, – а ты?

– Нет.

Не знаю, зачем я солгала. И это тоже ложь. На самом деле я *знаю*: чтобы немного выбить Сэм из колеи. Уверена, она предполагает, что книгу Лайзы я прочла от корки до корки, что вполне соответствует действительности. Нет на этом свете ничего скучнее предсказуемости.

– Вы с ней никогда не встречались? – продолжаю я.

– Лайза не имела такого удовольствия, – отвечает Сэм, – а ты?

– Я говорила с ней по телефону. О том, как справиться с переживаниями. О том, чего от нас ожидают окружающие. Но это совсем не то же самое, что встретиться лично.

– И уж точно совсем не то же, что вместе печь кекс.

Сэм слегка толкает меня бедром и опять смеется. Какую бы проверку она мне ни устроила, мне удалось ее пройти.

– Теперь пора ставить их в духовку, – объявляю я и с помощью деревянной лопаточки выкладываю тесто на противень.

Сэм просто опрокидывает над ним миску, но промахивается, и ее тесто шлепается на стойку.

– Черт! – восклицает она. – А где я могу взять такую же плоскую штукину, как у тебя?

– Лопаточку? Вон там.

Я показываю на шкафчик за ее спиной. Она с силой дергает ручку не того ящика. Запертого ящика. *Моего* ящика. Внутри что-то позвякивает.

– Что в нем?

– Не трогай!

Голос звучит немного сердито и гораздо более напугано, чем мне хотелось бы. Дрожащей рукой я проверяю ключ на шее, будто он каким-то волшебным образом мог найти путь к замку ящичка. Но он, конечно же, на месте, мирно покоится у меня на груди.

– Там рецепты, – говорю я, успокаиваясь, – хранилище моих самых страшных тайн.

– Прости, – отвечает Сэм, оставляя ручку ящичка в покое.

– Я никому их не показываю, – добавляю я.

– Конечно-конечно, я поняла.

Сэм поднимает вверх руки. Рукав куртки соскальзывает с запястья, полностью обнажая татуировку. Одно-единственное слово, начертанное черной тушью.

Выжить!

Буквы заглавные. Жирный шрифт. С одной стороны заявление, с другой вызов. «Только попробуй до меня докопаться», – говорит он.

Час спустя все недоделанные вчерашние капкейки блистают во всей красе, а на стойке остывают два кекса с тыквой и апельсином. Сэм оглядывает полученный результат с горделивой усталостью, белая полоска муки на ее щеке напоминает боевую раскраску.

– И что теперь? – спрашивает она.

Я начинаю раскладывать капкейки на массивных керамических блюдах. Их черные глазированные верхушки красиво смотрятся на бледно-зеленом фоне.

– Теперь будем ставить на столе натюрморты с капкейками и кексами и фотографировать их для сайта.

– Я имела в виду нас, – говорит Сэм. – Мы встретились. Поговорили. Что-то испекли. Это было чудесно. И что дальше?

– Смотря зачем ты сюда приехала, – говорю я, – действительно только из-за Лайзы?

– Разве этого недостаточно?

– Можно было просто позвонить. Или письмо написать.

– Я хотела увидеть тебя лично, – произносит Сэм, – узнав о том, что случилось с Лайзой, я захотела посмотреть, как ты.

– Ну и как я?

– Пока не могу сказать. Не сможешь мне?

Сэм стоит у меня за спиной, а я тем временем пытаюсь выстроить композицию с капкейками.

– Куинси?

– Да, мне тоскливо, устраивает тебя такой ответ? – восклицаю я, поворачиваюсь вокруг своей оси и смотрю ей прямо в глаза. – После самоубийства Лайзы мне тоскливо.

– А мне нет, – произносит Сэм, глядя на свои руки и выковыривая тесто из-под ногтей, – меня это бесит! Умереть вот так после всего, что она пережила? Я дико злюсь.

Хотя то же самое я вчера говорила Джеффу, по телу прокатывается волна раздражения. Я поворачиваюсь к своей экспозиции.

– Не злись на Лайзу.

– Я не на нее злюсь, а на себя, – отвечает Сэм, – за то, что никогда не пыталась с ней пообщаться. И с тобой. Может быть, тогда бы я...

– Смогла бы предотвратить беду? – спрашиваю я. – В таком случае, добро пожаловать в клуб.

Стоя по-прежнему к Сэм спиной, я отчетливо чувствую, что она опять сверлит меня взглядом. Но на этот раз холодный луч приглушает жар ее взгляда. Невысказанное любопытство. Больше всего мне хочется рассказать ей о письме, которое Лайза отправила мне незадолго до смерти. Переложив на плечи Сэм часть своей вины, вероятно, безосновательной, я испытала бы облегчение. Но ведь именно вина отчасти и привела ее ко мне. Я не собираюсь ее усугублять, особенно если она приехала совершить ритуал искупления грехов.

– То, что случилось с Лайзой, полный отстой, – говорит Сэм. – Понимая, что я, точнее мы, могли ей помочь, я чувствую себя последним дерьмом. Не хочу, чтобы с тобой случилось то же самое.

– Я не такая, – говорю я.

– Да откуда тебе знать? Если тебе когда-нибудь понадобится помощь или вообще что-нибудь, скажи мне. И я тебе скажу, если что. Нам надо приглядывать друг за другом. Ты можешь рассказать мне, что там произошло. Ну, если захочешь.

– Не беспокойся, – говорю я, – у меня все в порядке.

– Вот и хорошо, – в ее словах звенит пустота, будто она мне не верит. – Рада слышать.

– Нет, правда. Дела с сайтом движутся успешно, Джефф офигенный.

– А я могу его увидеть, этого твоего Джеффа?

Это вопрос-матрешка, в нем таится еще несколько. Если я раскрою оболочку «Могу я увидеть Джеффа?», внутри окажется «Я тебе нравлюсь?», из которого выскочит «Мы подружимся?». В самой сердцевине скрывается главный вопрос: «Мы с тобой похожи?»

– Ну конечно, – говорю, отвечая сразу на все, – оставайся на ужин.

Наконец натюрморт готов: капкейки расположены под таким углом, что глазированные пауки полностью влезают в кадр. В качестве фона я использовала кусок ткани с незамысловатым узором в духе пятидесятых и винтажные фарфоровые тыковки с блошиного рынка.

– Миленько, – говорит Сэм, и по тому, как она морщит нос, я понимаю, что это не комплимент.

– В кондитерском деле все миленькое приносит деньги.

Мы стоим рядом и разглядываем экспозицию. Несмотря на все старания, в ней все равно что-то не то. Чего-то не хватает. Какой-то неуловимой искорки, которую я забыла добавить.

– На мой взгляд, слишком идеально и гладко.

– Нет, – отвечаю я, хотя она, конечно же, права.

Натюрморт вышел плоский и безжизненный. Все настолько безупречно, что капкейки кажутся муляжом. Они выглядят именно так: пластмассовая глазурь на выпечке из пенопласта.

– А что бы ты изменила?

Сэм задумчиво приближается к столу, касаясь указательным пальцем подбородка. И принимается за дело с неистовством Годзиллы, разрушающей Токио. Несколько тарелок пустеют и поспешно откладываются в сторону. Одна фарфоровая тыковка оказывается на боку, салфетка скомкана и небрежно брошена в самый центр композиции. Обертки трех капкейков сорваны и разбросаны по столу.

Глянцевая картинка превратилась в хаос. Как будто перед нами стол после развеселой вечеринки – шумной, суматошной, настоящей.

Это великолепно.

Я хватаю камеру и начинаю снимать, фокусируясь на изувеченных капкейках. За ними высится неровная горка тарелок, на их зеленом фоне пятнами выделяется черная глазурь.

Сэм хватается капкейк и отрывает зубами гигантский кусок. На пол сыплются крошки и капает вишневая начинка.

– Сфоткай меня.

Я застываю в нерешительности – по неизвестным ей причинам.

– В моем блоге нет фотографий людей. Только еда.

Я *никогда* не снимаю людей, для сайта или нет. Селфи в духе Лайзы тоже не делаю.

После той ночи в «Сосновом коттедже».

– Всего один раз, – настаивает Сэм, складывая губы уточкой, – ради меня.

Я неуверенно смотрю в видоискатель камеры и делаю глубокий вдох. Ощущение такое, будто смотришь в хрустальный шар, но видишь не будущее, а прошлое. Перед глазами на пороге «Соснового коттеджа» стоит Жанель, принимая вычурные позы со своими необъятными чемоданами. Раньше их сходство не бросалось мне в глаза, но теперь оно совершенно очевидно. У них разная внешность, но одинаковый душевный склад. Буйный, бесцеремонный, пугающе живой.

– Что-то не так? – спрашивает Сэм.

– Нет-нет, – я щелкаю затвором, делая один-единственный снимок, – все в порядке.

Она бросается ко мне и канючит до тех пор, пока я не показываю ей фотографию.

– Класс! – восклицает она. – Тебе обязательно нужно вывесить ее в блоге.

К ее радости я обещаю так и поступить, хотя на самом деле планирую удалить снимок при первой же возможности.

Теперь пора красиво расположить и сфотографировать тыквенные кексы. Я разрешаю Сэм распиливать один из них, и разномастные ломтики падают на тарелку, как вырванные из книги страницы. На смену фарфоровым тыквам приходят винтажные чашечки, найденные неделю назад в Вест-Виллидж. Я наливаю в них кофе, в каждую по-разному: где-то на доньшко, а где-то и до краев. Немного темной жидкости проливается на стол, но я ее не вытираю – пусть у основания чашки остается лужица. Сэм, добавляет последний штрих, с хлопанием отпивая из одной из чашек. На каемке остается след от помады. Рубиновый поцелуй, соблазнительный и загадочный. Потом она ставит чашку на стол. Я щелкаю затвором, фотографирую больше, чем надо, затянутая в хаос.

8

Время ужина приближается в паническом водовороте суеты и последних приготовлений. Я на скорую руку делаю лингвини с соусом путанеска, который меня научила готовить мать

Джеффа. На неструганом обеденном столе, который мы купили прошлым летом в Ред-Хуке, уже аккуратно расставлены блюда со свежей испеченными хлебными палочками, салат и бутылка вина. Переступив порог, Джефф слышит голос Розмари Клуни, льющийся из музыкального центра в гостиной, и видит меня, сияющую и раскрасневшуюся, в нарядном платье в стиле пятидесятых. Один только Бог знает, что происходит в этот момент в его голове. Он явно в замешательстве. Может, он даже обеспокоен, что я немного перебрала (а я и правда перебрала). Однако я надеюсь, что в этой мешанине чувств есть и гордость. За то, чего мне удалось достичь. За то, что после стольких шумных непринужденных обедов и ужинов с его близкими, ко мне наконец тоже кто-то пришел в гости.

И тут из гостиной выходит Сэм с отмытым от муки лицом и свежим слоем помады на губах. Я точно знаю, что думает Джефф. Вижу его тревогу и подозрение, слегка тронутые изумлением.

– Джефф, познакомься, это Сэм, – провозглашаю я.

– Саманта Бойд? – говорит Джефф не столько ей, сколько мне.

Она улыбается и протягивает ему руку:

– Мне больше нравится Сэм.

– Ну конечно. Привет, Сэм.

Джефф настолько огорошен происходящим, что даже забывает пожать протянутую ему руку. А когда вспоминает, то делает это как-то вяло.

– Куинси, можно тебя на минутку?

Мы идем на кухню, где я вкратце пересказываю ему события сегодняшнего дня, и под конец говорю:

– Надеюсь, ты не возражаешь, что я попросила ее остаться на ужин.

– Это довольно неожиданно, – замечает он.

– Согласна, все произошло внезапно.

– Надо было мне позвонить.

– Тогда ты попытался бы меня отговорить, – возражаю я.

Джефф пропускает мои слова мимо ушей, зная, что это правда.

– Просто мне кажется странным, что она вот так к нам сюда заявила. Это ненормально,

Куинни.

– Что-то вы слишком подозрительны, мистер Адвокат.

– Просто... я чувствовал бы себя лучше, если бы знал, зачем она приехала.

– Я до сих пор не смогла понять, – говорю я.

– Тогда зачем пригласила ее на ужин?

Я хочу рассказать о сегодняшнем дне, о том моменте, когда Сэм настолько напомнила мне Жанель, что у меня перехватило дыхание. Но он не поймет. Никто не понял бы.

– Мне ее немного жаль, – отвечаю я, – после всего, что она пережила, ей, вероятно, просто нужен друг.

– Ну хорошо, – говорит он, – если тебе все окей, то и мне тоже.

И все же промелькнувшая на его лице тень недовольства свидетельствует о том, что ему не совсем окей. Но несмотря на это, мы возвращаемся в гостиную, где Сэм вежливо делает вид, что разговор между мной и Джеффом ее совсем не касался.

– Все в порядке? – спрашивает она.

Я улыбаюсь так широко, что у меня начинают болеть щеки.

– Просто замечательно. Давайте за стол!

За ужином я усиленно изображаю из себя хозяйку, подаю блюда и наливаю вино, изо всех сил стараясь игнорировать тот факт, что Джефф говорит с Сэм, как со своей клиенткой, – дружелюбно, но в то же время зондируя почву. Он словно зубной хирург – в разговоре извлекает то, что подлежит удалению.

– Куинни говорила, что ты на несколько лет исчезла, – говорит он.

– Я это называю «залегла на дно».

– Ну и как это было?

– Очень спокойно. Никто не знал, кто я. Никто понятия не имел о случившихся со мной ужасах.

– Похоже на жизнь беглого преступника, – замечает Джефф.

– Наверное, – отвечает Сэм, – только, напоминая, я не сделала ничего плохого.

– Тогда зачем было прятаться?

– А почему бы и нет?

Джефф не может найти подходящий ответ, и в комнате воцаряется тишина, лишь изредка нарушаемая позвякиванием приборов о тарелки. Меня это нервирует, и я даже не замечаю, как осушаю до дна свой бокал. Наполняю его опять и предлагаю налить другим.

– Еще вина, Сэм?

Видимо, почувствовав мое беспокойство, она ободряюще улыбается.

– С удовольствием, – говорит она и залпом допивает остатки вина в бокале, чтобы я могла наполнить его вновь.

Я поворачиваюсь к Джеффу.

– Тебе налить?

– У меня есть, спасибо, – отвечает он.

Потом обращается к Сэм и говорит:

– И где же ты сейчас живешь?

– По-разному... то тут, то там.

То же самое она сказала и мне. Но Джеффа ее ответ не удовлетворяет. Он опускает вилку и смотрит на нее с таким видом, будто собирается учинить перекрестный допрос:

– А конкретнее?

– Не в таком месте, о котором ты мог слышать, – говорит Сэм.

– Я слышал о существовании пятидесяти штатов, – Джефф лучезарно улыбается, – даже помню почти все столицы.

– Мне кажется, Сэм желает сохранить это в тайне, – говорю я, – на тот случай, если ей захочется туда вернуться, чтобы и дальше жить инкогнито.

Сэм благодарно кивает головой. Как она и предлагала, я за ней присматриваю. Даже несмотря на то, что я так же заинтригована, как и Джефф.

– Уверена, когда-нибудь она нам все расскажет, – добавляю я. – Правда, Сэм?

– Может быть.

Непреклонность в ее голосе ясно дает понять, что никаких «может быть» не будет. Стараясь немного сгладить резкость своих слов, она добавляет:

– Зависит от того, насколько вкусный у вас десерт.

– Впрочем, какая разница, – говорит Джефф. – Важно другое: вам наконец удалось встретиться и поговорить. Я знаю, как много это значит для Куинни. Случившееся с Лайзой ее потрясло.

– Меня тоже, – говорит Сэм, – услышав об этом, решила приехать к вам и наконец с ней пообщаться.

Джефф склоняет голову набок. Взъерошенные волосы и большие карие глаза придают ему сходство со спаниелем, нацелившимся на кость. Голодным и чутким.

– Так значит, ты знала, что Куинни живет в Нью-Йорке?

– Все эти годы я внимательно следила как за ней, так и за Лайзой.

– Интересно. И по какой же причине?

– Из любопытства, надо полагать. Мне было легче, когда я знала, что у них все в порядке. Или, по крайней мере, думала.

Джефф кивает, опускает голову, неподвижно смотрит в свою тарелку и ворошит в ней лингвини.

– Ты впервые на Манхэттене?

– Нет, бывала и раньше.

– Когда в последний раз?

– Много-много лет назад, – отвечает Сэм, – еще ребенком.

– Значит, до всего этого в мотеле?

– Да. – Сэм смотрит на него через стол, сощурившись, острым, как бритва, взглядом. – До всего *этого*.

Джефф делает вид, что не заметил в ее последнем слове саркастическую нотку.

– Значит, это было довольно давно.

– Было.

– И беспокойство о Куинси – единственная причина твоего визита?

Я прикасаюсь к ладони Джеффа. Молчаливый сигнал, что он преступил все границы и зашел слишком далеко. Таким же образом он поступает со мной, когда я в гостях у моей мамы начинаю чрезмерно критиковать ее взгляды на... все что угодно.

– Что, могут быть какие-то другие причины? – спрашивает Сэм.

– Могут, причем множество, – отвечает Джефф, и я сильнее сжимаю его руку, – может быть, ты хочешь попиариться на смерти Лайзы. Может, тебе нужны деньги.

– Я здесь не за этим.

– Надеюсь. Надеюсь, ты просто приехала проведать Куинни.

– Я думаю, Лайза всегда этого хотела, – говорит Сэм, – чтобы мы втроем встретились и стали помогать друг другу.

Атмосфера в доме безвозвратно портится. Над столом нависает влажная, мрачная пелена подозрения. Я импульсивно поднимаю бокал. Он опять почти пуст, и лишь на донышке вращается темно-алый диск.

– Предлагаю тост, – говорю я. – Давайте выпьем за Лайзу. Хотя нам втроем так и не пришлось встретиться, ее душа, думаю, сейчас с нами. К тому же, она, как мне кажется, была бы рада, что хотя бы мы с Сэм наконец увиделись.

– Да-да, за Лайзу, – подхватывает та.

Я подливаю вина себе и Сэм, хотя у нее еще было достаточно. Когда наши бокалы соединяются над столом, они издают чересчур громкий, чересчур резкий звон, и стекло едва не разбивается вдребезги. «Пино нуар» перехлестывает через край моего бокала, брызжет на салат и хлебные палочки. Вино тут же впитывается, оставляя на поверхности красные пятна.

Я нервно хихикаю. Из Сэм вырывается ее обычный резкий смешок, похожий на выстрел дробовика. Джефф, которому совсем не весело, смотрит на меня тем же взглядом, каким иногда пронзает меня во время его несносных корпоративов. «Ты пьяна?» – говорит этот взгляд. Нет. По крайней мере пока. Но я понимаю, почему у него возникло такое подозрение.

– И чем ты, Сэм, зарабатываешь на жизнь? – спрашивает он.

– Как когда, – пожимает плечами она, – сегодня одним, завтра другим.

– Понятно, – говорит Джефф.

– В данный момент я не работаю. Со старого места уже ушла, на новое еще не устроилась.

– Понятно, – повторяет Джефф.

Я делаю еще глоток вина.

– А ты, значит, адвокат?

В устах Сэм эта фраза звучит как обвинение.

– Ну да, – отвечает Джефф, – государственный защитник.

– Интересно. Наверняка приходится встречаться с самыми разными людьми.

– Совершенно верно.

Сэм откидывается на стуле, одну руку кладет на живот, другой берет бокал и подносит его к губам. Ее губы над ободком расплываются в улыбке.

– И все твои клиенты преступники? – спрашивает она.

Джефф зеркально копирует позу Сэм. Так же откидывается на стуле и так же сжимает бокал. Я наблюдаю их дуэль, на дне желудка тяжело ворочается съеденное только наполовину блюдо.

– Мои клиенты невиновны до тех пор, пока суд не докажет их вину, – говорит Джефф.

– Но большинство из них виновны, так?

– Думаю, можно и так сказать.

– И каково это? Знать, что чувак, который сидит рядом с тобой в одолженном у кого-то костюме, сделал все то, в чем его обвиняют?

– Ты спрашиваешь, не мучает ли меня совесть?

– Допустим.

– Нет, – отвечает Джефф, – наоборот, обеспечивая этому чуваку в одолженном костюме презумпцию невиновности, я чувствую, что совершаю благородный поступок.

– А если он сделал что-нибудь по-настоящему плохое? – спрашивает Сэм.

– Насколько плохое? – спрашивает Джефф. – Убийство?

– Хуже.

Я понимаю, куда клонит Сэм, и мой желудок сводит судорогой. Я кладу на него руку и легонько поглаживаю.

– Трудно придумать что-нибудь хуже убийства, – говорит Джефф, тоже понимая куда она гнет.

Но ему на это наплевать. Он с удовольствием последует за ней к той грани, за которой застольная беседа превращается в спор. Такое на моих глазах случалось и раньше.

– Тебе доводилось представлять интересы убийц?

– Доводилось, – отвечает Джефф, – как раз сейчас представляю.

– И тебе это нравится?

– Нравится мне или нет – не имеет никакого значения. Просто это нужно сделать.

– А если этот чувак убил несколько человек?

– Его все равно надо защищать, – говорит Джефф.

– А если это тот самый, который устроил бойню в «Найтлайт Инн»? Или который вырезал ребят в «Сосновом коттедже»?

Ярость Сэм становится почти осязаемой – через стол меня окатывают волны пульсирующего жара. Ее голос набирает скорость, каждое новое слово звучит жестче и грубее.

– Неужели ты, зная об этом, будешь и дальше восседать рядом с этим вонючим ублюдком и пытаться уберечь его от тюрьмы?

Джефф не шевелится, во всем его теле едва заметные движения совершает лишь челюсть. Он не сводит с Сэм глаз. И даже не моргает.

– Полагаю, это очень удобно, когда можно найти причину всех своих жизненных неудач, – произносит он.

– Джефф, – в горле у меня пересохло, голос звучит так тихо, что на него можно не обращать внимания, – прекрати.

– Куинни тоже могла так поступить. И Бог свидетель, что у нее на это было полное право. Но она не стала так делать. Потому что сумела оставить прошлое позади. Она сильна сама по себе. Она не какая-то там...

– Джефф, *прошу тебя*.

– ...беспомощная жертва, отказавшаяся от семьи и друзей, вместо того чтобы попытаться преодолеть нечто, случившееся больше десяти лет назад.

– Хватит!

Я вскакиваю со стула, опрокидываю бокал с вином, и его содержимое выплескивается на стол. Я вытираю его салфеткой. Белая ткань тут же багровеет.

– Джефф. В комнату. Сейчас же.

Мы стоим у запертой двери и смотрим друг на друга, наши тела становятся олицетворением противоположностей. Джефф расслаблен и спокоен, его руки свободно висят вдоль тела. Я прижимаю ладони к груди, отчаянно поднимающейся и опускающейся.

– Ты разговаривал чересчур резко.

– После того, что она мне сказала? Думаю, не чересчур.

– Но начал, признайся, ты.

– Тем, что проявил любопытство?

– Тем, что выказал подозрения, – отвечаю я, – ты устроил ей форменный допрос с пристрастием. Это не суд, Джефф. И она не твоя клиентка!

Мой слишком громкий голос эхом отдается от стен. Мы с Джеффом смотрим на дверь и умолкаем, пытаюсь понять, слышала ли нас Сэм. Лично я уверена, что да. Даже если ей каким-то образом удалось пропустить мимо ушей мой нарастающий пронзительный крик, очевидно, что разговор опять идет о ней.

– Я задавал абсолютно законные вопросы, – говорит Джефф, в виде компенсации понижая голос. – Тебе не показалось, что она уклонялась от ответа?

– Сэм не хочет говорить обо всем этом. Не могу ее в этом винить.

– Но это еще не дает ей права так разговаривать со мной. Будто это я тогда на нее напал.

– Она очень ранима.

– Чушь собачья! Она пыталась меня поддеть.

– Это была самозащита, – говорю я. – Она не враг, Джефф. А друг. По меньшей мере, у нее есть все шансы им стать.

– Ты собралась с ней дружить? До вчерашнего дня ты была счастлива и даже слышать ничего не хотела ни о каких Последних Девушках. Так что же изменилось?

– А самоубийства Лайзы тебе мало?

Джефф вздохнул.

– Я понимаю, до какой степени это тебя расстроило. Я знаю, тебе грустно и неудобно. Но откуда взялся этот неожиданный интерес к дружбе с Сэм? Ведь ты, Куинни, даже ее не знаешь.

– Знаю. Она прошла через то же, что и я, Джефф. Я прекрасно понимаю, что она собой представляет.

– Я просто боюсь, что если вы будете много общаться, вы начнете зависеть в воспоминаниях о прошлом. А ты ведь ушла далеко вперед.

Джефф хочет как лучше. Я знаю. И со мной часто непросто. Это я тоже знаю. Но все равно от его слов я злюсь еще сильнее.

– Моих друзей, Джефф, зверски убили. От такого никуда не уйдешь.

– Ты знаешь, что я совсем не это имел в виду.

Я в гневе вызывающе вскидываю подбородок.

– А что же тогда ты имел в виду?

– Что ты переросла роль жертвы, – говорит Джефф, – что твоя жизнь – наша жизнь – больше не определяется теми событиями. Я не хочу, чтобы что-то изменилось.

– От того, что я по-человечески отнеслась к Сэм, ничего не изменится. И не то чтобы у меня под дверью толпилась армия друзей.

Обычно я стараюсь не афишировать этот факт. Я скрываю от Джеффа, насколько мне одиноко. Лучезарно улыбаюсь, когда он приходит домой с работы и спрашивает, как прошел день. «Отлично», – всегда отвечаю я, хотя часто мой день – просто бессмысленная муть оди-

ночества. Долгие часы, проведенные за готовкой, иногда разговоры с плитой, только чтобы услышать звук собственного голоса.

Вместо друзей у меня есть знакомые. Бывшие одноклассники и коллеги. Те, у кого есть мужа, дети и работа в офисе, что совсем не располагает к регулярному общению. Те, кого я умышленно держала на расстоянии до тех пор, пока все контакты с ними не свелись к редким письмам и эсэмэскам.

– Мне это правда нужно, Джефф, – говорю я.

Джефф крепко хватает меня за плечи. Смотрит мне прямо в глаза и замечает там что-то лишнее, что-то невысказанное.

– Что ты скрываешь от меня?

– Я получила мейл, – говорю я.

– От Сэм?

– От Лайзы. Она отправила его за час до того, как...

«Укокошила себя, – хочется мне сказать, – довела до конца то, что не удалось сделать Стивену Лейбману».

– ...покинула этот мир.

– И что в письме?

Я слово в слово цитирую текст, намертво въевшийся в память.

– Зачем она это сделала? – спрашивает Джефф, будто я могу знать ответ.

– Не знаю. И никогда не узнаю. Но по какой-то причине перед смертью она вспомнила именно обо мне. Теперь мне не дает покоя одна-единственная мысль: если бы я вовремя увидела ее письмо, то, возможно, смогла бы ее спасти.

На глаза наворачиваются горячие слезы. Я стараюсь смахнуть их, но безуспешно. Джефф притягивает меня к себе, я кладу голову ему на грудь, его руки крепко сжимают меня.

– О Господи, Куинни. Прости меня, я ничего не знал.

– Ты и не мог знать.

– Но тебе нельзя думать, что ты виновна в смерти Лайзы.

– Я и не думаю, – говорю я, – но считаю, что упустила свой шанс ей помочь. И не хочу, чтобы то же самое случилось с Сэм. Я понимаю, она грубовата. Но, кажется, я ей нужна.

Джефф тяжело вздыхает с видом побежденного.

– Я буду вести себя хорошо, – говорит Джефф, – обещаю тебе.

Мы целуемся и миримся, я ощущаю на губах соленый вкус слез. Вытираю их, а в это время Джефф выпускает меня из объятий и встряхивает руками, чтобы избавиться от накопившегося в них напряжения. Я разглаживаю блузку и тру пальцем пятно от слез. Мы беремся за руки, выходим из спальни и идем по коридору. Единным фронтом.

За столом в столовой никого нет. Стул Сэм отодвинут. На кухне ее тоже не видно. Как и в гостиной. В прихожей, там, где еще недавно лежал ее рюкзак, теперь лишь полоска голого пола.

Саманта Бойд опять исчезла.

9

В три часа ночи звонит телефон, вырывая из кошмара, в котором я опять бегу по лесу. Убегаю от Него. Спотыкаюсь и кричу, ветви деревьев тянутся ко мне и обвивают запястья. Даже проснувшись, я продолжаю бежать, по инерции суча ногами под одеялом. Телефон продолжает звонить – тревожный сигнал прорезает тишину комнаты. Джефф даже не шелохнется, потому что всегда спит как убитый и тренирован, будто собака Павлова, просыпаться только от звука будильника. Чтобы не нарушить его сон, я хватаю телефон и прикрываю рукой мерцающий экран. Потом слегка раздвигаю пальцы и смотрю, кто звонит.

Неизвестный номер.

– Алло? – шепчу я, соскальзываю с кровати и бросаюсь к двери.

– Куинси?

Это Сэм, ее голос едва пробивается сквозь окружающую ее шумовую завесу, сотканную из разговоров, криков и торопливого перестука пальцев по клавиатурам.

– Сэм?

Я уже вышла в коридор, глаза смутно различают в темноте очертания предметов, мысли плавают в супе из густой, тягучей сумятицы.

– Куда ты пропала? И почему звонишь так поздно?

– Прости. Правда прости. У меня неприятности.

Мне кажется, она сейчас скажет что-нибудь о Нем. Главным образом из-за кошмара, который липким слоем покрывает мою кожу, будто пот. Я готовлюсь услышать, что Он вновь заявил о себе, ведь я всегда знала, так и будет. Не важно, что он умер. Что я с радостью смотрела, как он умирает.

Но Сэм вместо этого говорит:

– Мне нужна твоя помощь.

– Что с тобой? Что случилось?

– Меня вроде как арестовали.

– *Что?*

Слово эхом катится по коридору и будит Джеффа. Из спальни доносится скрип матраца – он подскакивает и зовет меня по имени.

– Пожалуйста, заberi меня, – говорит Сэм, – полицейский участок в Центральном парке. Возьми с собой Джеффа.

Она дает отбой, лишая меня возможности спросить, откуда у нее мой номер.

Мы с Джеффом садимся в такси и едем в участок, расположенный к югу от водохранилища. Я пробегала мимо него множество раз и неизменно испытывала замешательство от этой мешанины старого и нового. Он состоит из приземистых кирпичных строений, ровесников самого парка, между которыми высится современный, освещенный изнутри стеклянный павильон. Каждый раз, когда я его вижу, я представляю себе стеклянный шар со снегом и блестками внутри. Идиллическую деревню, заключенную в хрусталь.

Оказавшись внутри, я спрашиваю, где найти Саманту Бойд. Дежурный по отделению – розовощекий ирландец с перекатывающимися под мундиром жировыми складками – смотрит в компьютер и говорит:

– К нам такие не поступали, мисс.

– Но она сказала, что она тут.

– Когда это было?

– Двадцать минут назад, – отвечаю я, поправляя выбившуюся из-за пояса блузку.

Одеваться нам с Джеффом пришлось поспешно, поэтому я набросила на себя то же, в чем была вечером. Джефф натянул джинсы и футболку с длинным рукавом. Его волосы, будто солома, торчат в разные стороны.

Мистер Жировые Складки хмурится, глядя в компьютер.

– Ничего не нахожу.

– Может, ее уже отпустили? – спрашивает Джефф, слишком явно выказывая свои истинные желания. – Такое может быть?

– Она все равно осталась бы в базе данных. Может, она неправильно назвала участок? Или вы что-то не расслышали?

– Нет, она точно сказала, что здесь, я в этом совершенно уверена, – говорю я.

Я внимательно оглядываю пространство полицейского участка. Ярко освещенный и с высокими потолками, он больше похож на современный железнодорожный вокзал. Шикарная лестница, модные лампы и стакато шагов по отполированным полам.

– Какую-нибудь женщину к вам недавно доставляли? – спрашивает Джефф.

– Только одну, – отвечает дежурный, опять взглядываясь в монитор, – тридцать пять минут назад.

– Как ее зовут?

– Боюсь, это конфиденциальная информация.

Я с надеждой смотрю на Джеффа.

– Это, наверное, она.

Потом бросаю умоляющий взгляд на сержанта.

– Мы можем ее увидеть?

– Это не дозволено.

Джефф достает бумажник и демонстрирует свое адвокатское удостоверение. В присущей ему безукоризненно вежливой манере он объясняет, что выступает в роли государственного защитника, что мы не собираемся никому создавать проблем, что наша подруга сказала, что ее забрали в этот участок.

– Ну пожалуйста, – говорю я сержанту, – мы очень за нее волнуемся.

Он уступает и передает нас другому полицейскому – крупнее, сильнее и без намека на жировые складки. Тот ведет нас в сердцевину участка. В помещении царит дерганая, пропитанная кофеином атмосфера. Казенное освещение прогоняет черноту глубокой ночи. Сэм действительно здесь – сидит, прикованная наручниками к столу.

– Это она, – говорю я нашему сопровождающему.

И бросаюсь вперед, но он хватает меня за руку, удерживая на месте. Я зову ее:

– Сэм!

Полицейский за столом задает ей какой-то вопрос. Я вижу это по движению его губ. «Вы знаете эту женщину?» Когда Сэм кивает в ответ, полицейский медленно меня к ней подводит, по-прежнему сдавливая руку, будто тисками. Он отпускает меня, только когда от его коллеги за столом меня отделяет какой-то шаг.

– Сэм? – говорю я. – Что случилось?

Полицейский за столом бросает на нее взгляд и морщит лоб.

– Вы уверены, что знаете эту женщину?

– Да, – отвечаю я за нее, – ее зовут Саманта Бойд, и что бы ни послужило причиной задержания, это наверняка всего лишь досадное недоразумение.

– Наряду, который ее задерживал, она представилась иначе.

– Что вы имеете в виду?

Полицейский, покашливая, листает бумаги.

– Тут сказано, что ее зовут Тина Стоун.

Я смотрю на Сэм. В этот поздний час ее щеки опухли и покрылись нездоровым румянцем. Тушь потекла и под мешками глаз образовались черные полосы.

– Это правда?

– Ага, – отвечает она, пожимая плечами, – некоторое время назад я поменяла имя.

– Значит, на самом деле тебя зовут Тина Стоун?

– Теперь да. По закону. Ну ты знаешь, просто потому что так.

Я действительно знаю. Я подумывала сделать то же самое через год после «Соснового коттеджа». По тем же причинам, которые Сэм совсем не обязательно объяснять. Потому что мне надоело, что, когда я называла свое имя незнакомым людям, они смутно его припоминали. Потому что я ненавидела этот момент, когда их лица замирали, пусть даже на короткий миг, когда в голове у них звучал щелчок. Потому что меня тошнило от того, что наши с Ним имена были намертво связаны.

Но Куп, в конечном счете, меня все же отговорил. Сказал, что я должна держаться за свое имя как за предмет особой, упрямой гордости. Смена имени не смогла бы отделить слова

«Куинси Карпентер» от ужасов «Соснового коттеджа». Но все могло бы измениться, если бы я, сохранив его, стала кем-то стоящим. Кем-то еще, кроме счастливицы, пережившей многих.

– Теперь, когда мы знаем ее имя, ситуация прояснилась, – говорит Джефф, – кто-нибудь может сказать мне, в чем ее обвиняют?

– Вы что, ее адвокат? – спрашивает коп.

– Похоже что да, – со вздохом отвечает Джефф.

– Мисс Стоун, – говорит коп, – обвиняется в нападении на сотрудника полиции третьей степени тяжести, а также в оказании сопротивления при задержании.

Подробности проясняются маленькими фрагментами, говорит то Сэм, то полицейский. Джефф, спокойный и собранный, задает вопросы. Я стараюсь следить за их беседой и без конца кручу головой, попеременно глядя на каждого из троих. В голове гудит от недосыпа. Из услышанного выходит, что, выйдя из моей квартиры, Сэм, теперь известная как Тина Стоун, направилась в один из баров Верхнего Вест-Сайда. Заказала пару напитков, а потом вышла на улицу покурить. Там ругалась какая-то парочка, муж с женой. По словам Сэм, обстановка была весьма накаленной. Дошло до рукоприкладства. Когда мужчина толкнул женщину, она за нее вступилась.

– Я просто хотела их разнять, – объясняет она нам.

– Вы на него набросились, – возражает полицейский.

Они сходятся в одном – что Сэм, в конце концов, его ударила. А пока она спрашивала у женщины, все ли с ней в порядке, часто ли они ссорятся и бил ли он ее раньше, мужчина вызвал полицию. Когда прибыл наряд, Сэм ринулась к западной оконечности парка и исчезла за деревьями.

Они побежали за ней, догнали и выхватили наручники. Вот тогда Сэм и оказала им сопротивление.

– Они собирались арестовать меня ни за что, – говорит она.

– Вы ударили человека, – говорит полицейский.

Сэм возмущенно фыркает.

– Я просто пыталась помочь. У него был такой вид, будто он собрался ее измочалить. И если бы я ничего не сделала, ему, может быть, это бы даже удалось.

Фрустрированная несправедливостью происходящего – так выразилась сама Сэм, – она дернулась к одному из полицейских и сбила с него фуражку, тем самым спровоцировав свой арест.

– Боже мой, это всего лишь фуражка, – бормочет она в заключение, – я ведь не причинила ему никакого вреда.

– А вот ему показалось, что вы хотели причинить вред, – говорит полицейский за столом, – что со всей очевидностью таково было ваше намерение.

– Давайте расставим все точки над «i», – предлагает Джефф, – она обвиняется только в том, что случилось в парке, так?

Коп согласно кивает:

– Мужчина, которого она ударила, отказался писать заявление.

– Тогда мы наверняка можем прийти к какому-то решению.

Джефф отводит полицейского в сторону. Они переговариваются, стоя у стены, голоса их звучат приглушенно, но все же что-то услышать можно. Я стою рядом с Сэм, положив ей на плечо руку и впившись ногтями в мягкую кожу ее куртки. Она к их разговору не проявляет никакого интереса и лишь смотрит прямо перед собой, стиснув зубы.

– В моем понимании это лишь досадное недоразумение, – говорит Джефф полицейскому.

– А в моем нет, – отвечает тот.

– Не спорю, ей не надо было так поступать. Но ведь она просто пыталась помочь той женщине, поддалась эмоциям и немного переборщила.

– Вы хотите сказать, что обвинения нужно снять?

Полицейский бросает взгляд в нашу сторону. Я улыбаюсь ему в надежде, что это его каким-то образом убедит. Будто мой веселый, невинный вид рядом с Сэм качнет чашу весов в ее пользу.

– Я хочу сказать, что обвинения и предъявлять было не нужно, – говорит Джефф. – Будь вам известно, через что ей довелось пройти, вы бы сразу поняли, почему она действовала так.

Лицо полицейского совершенно бесстрастно.

– Ну так скажите мне, что такого с ней произошло.

Джефф шепчет ему на ухо какие-то слова, разобрать которые я до конца не могу. Уловить удастся только некоторые. «Найтлайт». «Убийства». Полицейский поворачивается и снова смотрит на Сэм. На этот раз в его глазах плещется сильнодействующая смесь любопытства и жалости. Тысячи раз я видела такой взгляд. Так смотрит человек, осознающий, что перед ним Последняя Девушка.

Он что-то шепчет Джеффу. Тот ему отвечает, тоже шепотом. Поговорив еще несколько секунд, они пожимают друг другу руки, и Джефф стремительным шагом направляется к нам.

– Собирайся, – говорит он, обращаясь к Сэм, – ты свободна.

Мы выходим на улицу и неспешно шагаем по территории участка мимо стеклянной стены, служащей ему фасадом. Дежурный по отделению ирландец взирает на нас со своего поста. По парку носится холодный ветер, пощипывая уши и нос. Уходя, я слишком торопилась, чтобы вспомнить о свитере, и теперь мне не остается ничего другого, кроме как обхватить себя руками в попытке согреться.

Сэм застегивает до самого подбородка кожаную куртку и поднимает воротник. Ее плечи оттягивает рюкзак, под тяжестью которого она немного кренился набок.

– Спасибо за помощь, – говорит она, – после всего, что я сегодня наговорила, я не стала бы тебя обвинять, если бы ты бросил меня гнить в камере.

– На здоровье, – отвечает Джефф, – оказывается, я не такой уж плохой, правда?

Он самодовольно ухмыляется. Я отворачиваюсь: да, мне полагается быть благодарной, но почему-то по телу ползет раздражение. А вот Сэм ему действительно благодарна. Она протягивает ладонь, и из-под рукава на мгновение выглядывает татуировка. Пожимая ее руку, Джефф смотрит на меня, явно чувствуя – что-то не в порядке. Я избегаю его взгляда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.